

18+

МАСКАРОН

Дело проданных невест

Книга Вторая

Сергей ЕДИНОВ

Сергей Динов

Маскарон. Дело проданных невест

«Издательские решения»

Динов С. Е.

Маскарон. Дело проданных невест / С. Е. Динов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698370-0

«Маскарон. Дело проданных невест» — роман-мистификация, абсолютный вымысел... на основе реальных событий, имевших место в Одессе XIX века, в вольном пересказе рукописи «Список Одисса» неизвестного автора.

Мистика и реальность Одессы времён порто-франко, когда строился город, процветала торговля пшеницей и... людьми.

ISBN 978-5-00-698370-0

© Динов С. Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Каперь*	8
(с историческими отступлениями)	8
Часть Первая. Чума на оба ваши дома	14
Тени прошлого	14
Агния и Агнесса	19
Мрак	25
Старшая сестра	29
Свет и тень	32
Почин	42
Пасьянс	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Маскарон. Дело проданных невест

Сергей Е.Динов

Иллюстратор М.З.Серб

Дизайнер обложки А.Штыхин

Дизайнер обложки М.З.Серб

© Сергей Е.Динов, 2026

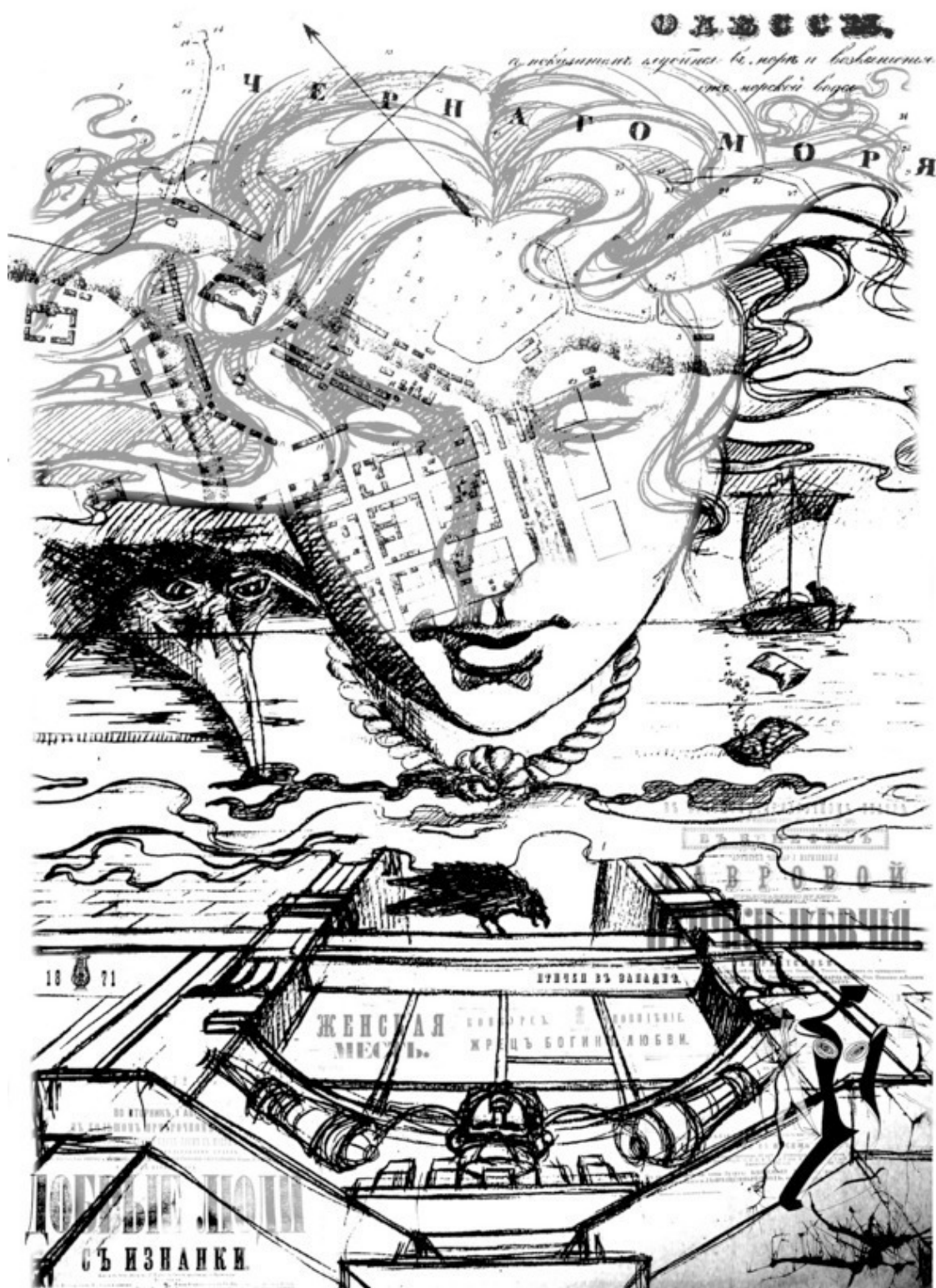
© М.З.Серб, иллюстрации, 2026

© А.Штыхин, дизайн обложки, 2026

© М.З.Серб, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8370-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

История основана на реальных событиях и фактах. Все персонажи повествования вымышлены, любое совпадение с историческими личностями случайно.

Для пущего нарушения возможной достоверности, искажён временной период происходящего, умышленно нарушена хронология событий. Исторический период развития сюжета охватывает примерно 1820-е — 1870-е годы XIX века.

Терпеливому читателю следует учесть, сие, весьма запутанное повествование — результат накопленного за тридцать с лишним лет архивного материала по работоторговле на юге России конца XIX, начала XX веков.

Каперъ*

(с историческими отступлениями)

* «Пират грабит всякого самовольно, а каперъ только врага отечества, и на право это получает каперное свидетельство...»

В. Даль. Толковый словарь русского языка.

«...на траверзе¹ Балаклавы торговая шхуна² под российским флагом была атакована барком³, предположительно, с российскими же каперами. Большинство команды изъяснялось на языке малороссов...»

(из показаний очевидца, запись в бортовом журнале судна-спасателя, XIX век)

Перенесённые через столетия, факты обрастают фантастическими домыслами даже современников, не говоря уже о последующих поколениях.

Автор сего повествования предложил заранее договориться и последовать литературному приёму великого русского поэта с африканской родословной — Александра Сергеевича Пушкина об условном обозначении персонажей. Для чего приведём отрывок из поэмы «Евгений Онегин», который даст представление читателю об Одессе той поры.

«Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильной
Свои подъемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице весёлой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжёлый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали...»

«Корсар в отставке, Морали...» — на всякий случай, стоит повторить пушкинскую строку, чтобы читатель запомнил, и пока не упоминать о каперстве в те далёкие времена. Об этом будет сказано более подробно именно в «исторической» части романа.

Уговоримся, в Одессе в те шальные времена жили, скажем, трое влиятельных господ: Морали, Важерон и Фармони.

Разумеется, богатых, достопочтимых купцов, важных чиновников, отставных военных проживало в Одессе той поры гораздо больше. Но обобщённых образов, будем считать, в романе получилось три.

¹ [1] Траверз — направление перпендикулярное курсу судна.

² Шхуна — парусное судно с двумя и более мачтами, в основном, с косыми парусами.

³ Барк — морское, трех — пятимачтовое судно с прямыми парусами на мачтах, кроме кормовой (бизань-мачты).

У поэта Эдуарда Багрицкого в стихотворении «Контрабандисты», кстати сказать, упомянуты тоже трое весьма колоритных греков:

«По рыбам, по звёздам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду...
...звёзды обрызгали
Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...»

Быть может, таким образом и начиналась успешная коммерция свободного города...

Итак, определились. Всё последующее, сказанное и написанное в романе, — чистейший вымысел, фантазии и мистификации автора. Продолжим.

По понятиям российского лихолетья 90-х годов прошлого столетия трое важных господ, Моралі, Важерон и Фармони поделили Одессу на зоны влияния.

Коммерсант Важерон откупил себе приличную часть пляжа недалеко от портовой гавани. Купец Моралі, официально, торговал зерном, вывозил морским путём за границу. Загадочный Фармони являлся потомком старинной итальянской семьи аптекарей.

Если читатель не догадался, чем мог заниматься каждый из этих господ, скажем так, неофициально, пояснять пока не станем. Важно заинтриговать и оставить в финале пояснения интриг, хитросплетений киномана «Маскарон. Дело проданных невест», фэнтази на историческом материале.

О коммерсante Важероне можно сообщить для пущей интриги некоторые прелюбопытные сведения, опять-таки по скудным сведениям современников.

Подводные течения в районе известных пляжей были своеобразными. Иноземным торговым судам вовсе необязательно было разгружаться в гавани Одессы и проводить груз через таможенный контроль. Просмолённые бочки сбрасывали с борта судна глубокой ночью на рейде. К утру товар выносило течением на пляж, к частным владениям господина Важерона. Удобно, практично, надёжно.

Вполне возможно, этого не было. Но старожилы Одессы сказывали и не такие *были* и *небылицы*. Легенды передаются из поколения в поколение. Не на пустом же месте рождаются мифы? Возможно, подводные течения близ Одессы нынче сильно изменились. Контрабанду уже невозможно сбрасывать на рейде.

«Корсар в отставке Морали», помимо хлебного бизнеса, возможно, занимался продажей «живого» товара. О чём свидетельствовали даже в 1990-х годах не только безмолвные гипсовые женские маскароны⁴ с фасадов трёх жилых домов на известной улице Одессы.

Вот одно из упоминаний о подобном промысле более позднего периода в одесской интернет-энциклопедии «Одессике»:

«На рубеже 1882—1883 гг. в одном бедном одесском семействе неожиданно пропала шестнадцатилетняя красавица-дочь — Анна Прокофьева. Восемь долгих лет о ней не было никаких известий. Она считалась погибшей. Отчаявшаяся мать её сошла в могилу. Паломники,

⁴ Маскарон — (от *франц.* «*mascaaron*», *итал.* «*mascherone*») — скульптурное украшение фасада здания в форме головы человека или животного анфас.

вернувшиеся в Одессу из Афона, стали рассказывать удивительные истории о судьбе Анны, причём рассказы эти позже подтвердились.

Оказалось, красавица была похищена в Одессе авантюристами, вывезена морем в Стамбул и продана богатому турецкому негодянину. Этот торговец вёл свои дела в Греции, в Салониках, куда, в конце концов, и была переправлена Анна. Оказавшись в гареме, девушка не предалась отчаянию, воображая судьбу очередной наложницы, забавы сластолюбивого работодателя».

Жизнь Анны Прокофьевой сложилась более чем счастливо. По словам летописцев, «купец сделал одесситку своей законной женой, был с ней весьма добр, внимателен, не препятствовал отправлению ею христианских обрядов. Один за другим у них родилось двое прекрасных сыновей. Всё шло хорошо. Но купец неожиданно скончался. Только тогда открылось, что покойный, не будучи расточительным при жизни, умеющим считать каждую лиру, хорошо позаботился о любимой супруге. Согласно завещанию, Анна Прокофьева унаследовала четыре дома в Салониках, шесть парусных шхун и 5000 лир наличными и многое другое.

Вдова двадцати четырёх лет от роду стала обладательницей богатого наследства, не ударилась в разврат, напротив, занялась делами богоугодными. Самое большое, из принадлежащих ей судов, она подарила Афонскому монастырю, где воспитывались и обучались её сыновья. Затем одесситка пожертвовала прекрасный дом для устройства в Салониках русской и греческой школы».

Будем полагать, что это самая замечательная история со столь сказочным и счастливым концом о юных девушках, пропавших в Одессе во все времена.

Что касается семейства Фармони, потомственных аптекарей, здесь дела обстояли гораздо сложнее, загадочней, таинственней. Посему, чтобы не усложнять повествования о купце Морали и его окружении, автор будет лишь изредка ссылаться на ту или иную фамилию, не особенно увлекаясь коммерческой стороной дела этих влиятельных, в своё время, господ. Но если предположить... снова обращаем ваше внимание, только предположить, что эти господа находились в коммерческом сговоре, а также сопоставив некоторые, дошедшие до нашего времени слухи, то совместный бизнес у господ Морали, Важерона и Фармони процветал невероятно успешно.

Для начала коммерции Морали-старший организовал поставку «живого» товара в Одессу со всей Малороссии. Как это происходило, подробно, надеемся, увлекательно будет рассказано именно в «исторической» части романа. В самой Одессе похищенных, обманутых девушек содержали в своеобразных тюрьмах, подземных казематах, которые имели тайные сообщения с катакомбами, разветвлёнными подземными лабиринтами, имевших выходы к морю. Об этом одесситы рассказывают до сих пор.

Жительница дома номер «5» по улице Энгельса (бывшая и нынешняя Маразлиевская), на фасаде которого находятся два приметных маскарона — женских лика с верёвочными петлями на шеях, сообщила автору в 1997 году, что всего лишь год назад жители заделали провал в глубине двора, через который можно было попасть в пещерные пустоты и выйти под землёй к побережью моря.

Пожилой одессит, житель того же дома рассказал автору, как в детстве со сверстниками проникал из подвала своего дома в катакомбы, по подземным лабиринтам пробирался под парком имени Тараса Шевченко⁵ выбирался на пляж недалеко от одесского порта. Позже часть подземных пустот тоже засыпали.

О существовании огромного, разветвлённого подземного обиталища под городом того времени свидетельствует и «Одессика»:

⁵ Тарас Григорьевич Шевченко (1814 — 1861) — украинский поэт, прозаик, мыслитель, живописец, график, этнограф, общественный деятель, известный также, как Кобзарь.

«Поначалу пещерные жилища тянулись по обрывам вдоль приморской полосы от мыса Ланжерон в направлении Малого Фонтана и далее. Затем они стали портить благолепие „фасада города“ и переместились на берега Куяльницкого и Хаджибейского лиманов».

Приведём ещё один, весьма выразительный пример удивительного, территориального совпадения и напоминания о криминальной коммерции прошедших веков.

Дом номер «54» по той же улице Маразлиевской, где над аркой и окном дворницкой сохранился небольшой маскарон — изящная женская головка с верёвочной петлёй на шее, — стена в стену располагался рядом с мрачным, серым дворцом турецкоподданных, который позже некоторое время являлся турецким посольством.

В 1990-е годы прошлого столетия, по свидетельству самого автора, этот мрачный, серый дом с башенками был овеян тайнами, не реставрировался, разрушался не только от ненастья, был укрыт зелёной строительной сеткой будто саваном. Одесситы называли его с мистическим почтением «домом с привидениями».

Премного любопытных совпадений оставляет нам история удивительной и неповторимой Одессы. Ещё один, финальный для предисловия, пример, на первый взгляд, никакого отношения не имеющий к торговле «живым» товаром.

Одесский старожил О. О. Чижевич («Одессика») вспоминал, как в царские времена процветала мода на женские парики, фальшивые косы и шиньоны.

«В числе лучших парикмахеров-куаферов считался долгое время Трините, передавший торговлю Лавиньоту». Трините, а за ним и Лавиньот, заведения которых располагались на пересечении улиц Дерибасовская и Екатерининская, в совершенстве освоили «специальность ложных волос», проще говоря, подбирали клиентам парики и шиньоны.

Одесситы поговаривали, что один священник отказался благословлять прихожанок, носивших «фальшивые волосы». Но мода победила. Торговля шиньонами процветала. Лучшие изделия («блонд арден») поступали к Трините и Лавиньоту из Парижа. Цена некоторых париков достигала полутора тысяч франков за штуку...»

Стоимость париков, согласитесь, по тем временам, была весьма приличная. Легко предположить, что отнюдь не все модные парики «блонд арден» поступали из Парижа. В подземных казематах господина Морали — старшего могли остригать, «отбракованный» турецкоподданными «живой» товар, и поставлять «волосяное» сырьё из подземелий Одессы в ателье господ Трините и Лавиньота.

Мало того, по непроверенным данным интернет-сайтов, в те далёкие времена, тайные лаборатории, в Одессе в том числе, занимались вопросами омоложения, для чего использовалась кровь, внутренние органы молодых организмов...

Несомненно, чудовищные предположения. Однако, основания для подобных слухов, похоже, имели своё историческое место.

(Вариант обложки к первому изданию романа)

Для большей достоверности, изложенного в романе, автор прикладывает примерные тексты донесений филёров⁶ тайной канцелярии Одессы, найденные самим автором в городском архиве Одессы в 1990-х годах. Копирование документов не разрешалось, посему...

⁶ Филёр (фр. *fileur*, от *filer* — «выслеживать») — сыщик, агент Охранного отделения или уголовно-сыскной полиции в

ДОНЕСЕНИЕ

от (такого-то числа) 1823 года.

Сим докладываю, что (такого-то числа в такое-то время) на площади перед Оперным театром был задержан в нетрезвом виде неизвестный гр-н за скакание на коне в голом виде. При задержании гр-н назвался графом Дебошем, при себе имел медную астрономическую трубу. Названный граф Дебош пояснил, что сим оптическим прибором собирался лорнировать дам-с в театре на представлении оперы Бизе «Кармен».

ДОНЕСЕНИЕ от (такого-то числа) 1824 года.

В районе Куяльника найден труп мужчины крепкого телосложения. Причина смерти: смертельное ранение в область спины семью стрелами арбалета с чёрными оперениями. Предположительно: ритуальное убийство. По непроверенным данным погибший являлся сыщиком тайной канцелярии, прибывший в Одессу для расследования «Дела невест».

ДОНЕСЕНИЕ от (такого-то числа) 1870 года

Сим докладываю, в Одессу под вымышленным именем графиня Теба прибыла инкогнито некая особа, французско-подданная, приближённая к королевской династии Франции.

Часть Первая. Чума на оба ваши дома

Тени прошлого

*«Мильоны, мильоны загубленных душ
Эфир заполняют для мщенья!»
(П.М-чу, XIX в.)*

Одесский житель А. Скальковский сообщал далёким потомкам в печатном издании «Истории города Одессы. 1793—1825», что крепость Хаджибей в 1774 году начала бурно «произрастать по генеральному плану Франца де — Волана, утверждённого... императрицей Екатериной II, Большим молотом, малым жетом — гаванью для гребных судов... эллингами и верфью для починки казенных судов, двумя пристанями с набережною для удобного приставанья купеческих кораблей, двумя церквями во имя святого Николая и святой Екатерины».

Тёплым осенним вечером с моря накатывали влажные волны ветра, разбивались об известняковые утёсы, сползали усталыми змейками песчаной пыли к безлюдным пляжам. Разогретое знойным днём лазоревое небо колыхалось над густым, смоляным желе громады неспокойного, задремавшего моря. Гладкие валы чёрно-сизых волн мерно вздымались огромным хребтом дикого необузданного, спящего животного.

В Практической гавани колыхались на водном покрывале, покачивались, топорщились неухоженной щетиной, — мачты иноземных судов, прибывших из портов Адриатического моря и анатолийских городов. Празднично и торжественно трепетали на реях, такелаже и мачтах многоцветные вымпелы и флаги торговых держав, дружественных России. Среди прочих ярко, кроваво, сочно выделялись вымпелы и полотнища османской империи.

После разрушительных наполеоновских войн, после страшных эпидемий чумы оживала торговля. Товары вновь стекались со всего мира в свободную от пошлин Одессу. Из России через Хаджибейский залив обильным золотым потоком за границу хлынула отборная пшеница. Хлебный бум сделал в одно людское поколение многих безвестных купцов богатейшими людьми российской империи.

Между нищетой и богатством, как это обычно бывает на сломе эпох, обозначилась бездонная пропасть, куда и рухнули славные российские дворянские обычаи, вековые устои и культурные традиции.

Новоявленные нувориши, со скрытой гордостью от содеянного, немислимого воровства, грабежа и наживы, выходили в свет после грандиозных торговых махинаций, криминальных дел и вели за собой в патриархальную Россию не свиту, но дикую свору новых, нахальных, бедовых порядков. Грязные деньги правили обновлённым миром. Наследственная, иерархическая, возможно, от того более ответственная власть отходила на второй план, уступая место абсолютной торговле. Всем. И всея.

В чудный вечер на безлюдном берегу Малого Фонтана праздный наблюдатель, случись ему оказаться в тот час на высоком утёсе, усмотрел бы престранную картину. Из глубокой, чёрной расщелины крутого склона известнякового берега грязные оборванцы вытаскивали тяжёлые мешки из грубой холстины, оттаскивали к фелюге⁷. Чёрное, деревянное судёнышко с про-

⁷ Фелюга — небольшое парусное судно прибрежного плавания, использовалась в Средиземном, Черном, Азовском, Каспийском, Аральском морях для перевозки грузов или рыбного промысла.

смолёнными боками было носом приткнуто на песчаный берег, швартовым концом зацеплено за известняковый обломок утёса.

В подобных, холщовых мешках в самой гавани нескончаемая вереница подвод, запряжённых тягловыми быками, подвозила на торговые суда пшеницу.

По пути следования, над гружёными подводами, телегами, бричками парили крикливые, суетливые, белоснежные чайки. Грязные, взъерошенные от ветра, серо-чёрные вороны похозяйски расхаживали на пыльной, немощёной дороге, клевали серое, рассыпанное зерно.

Зерно, видать, особого рода грузили на неприметную рыбацью фелюгу на дальних подходах к гавани. Отношение к грузу было особое, бережливое. Пропылённые, черноголовые, русые и плешивые босяки, видать, нищие беженцы с окраин Малороссии, артель грузчиков в шесть человек заходили по пояс в воду, осторожно, стараясь не замочить мешки в сизых, беспокойных волнах, подавали ценный груз на борт фелюги. Матросы, похожие на живописных пиратов, в широких шароварах с красными подпоясками, бережно укладывали мешки на палубу.

Перегруженное судёнышко изрядно осело в воду. Шипящие от негодования, волны порой перехлестывали, заливали края деревянных просмолённых бортов. Перегруз фелюги нервировал хозяина, дородного чернобородого грека с сизой лысиной. Хрипящим басом он покрикивал на грузчиков по-гречески. Матросов ругал отборным русским матом, переругивался, на корявом турецком, с худющим турком в грязной феске. Турок-контролёр помогал команде судна укладывать мешки на корме аккуратно, не внавал, но в штабель, устойчивый к морской качке.

В неловкой осторожности грязных, нищих оборванцев, в сдержанной суете грубой, простоватой, злобной матросни, с кинжалами за поясами, на манер турецких янычар, не трудно было усмотреть тайное, преступное действо.

Грузные, горбоватые, будто набитые кочанами капусты, мешки выносили из разлома-пещеры в известняковом утёсе, из нутра гигантского спрута, — разветвлённого под городом, жуткого лабиринта одесских катакомб. Загрузка фелюги выглядела со стороны секретной операцией контрабандистов.

Надо же было такому случиться, за тайной и скорой погрузкой сквозь чахлый, выгоревший под жарким солнцем, кустарник с вершины утёса наблюдал сторонний соглядатай, упитанный юнец в сером сюртуке Ришельевского лицея. Толстощёкий мальчуган возбуждённо сопел в предчувствии опасности, в своих детских романтических фантазиях мнил себя тайным агентом, разведчиком, аккуратно карябал на листочке, разложенным на плоском камне, вырисовывал свинцовым карандашиком палочки по количеству выносимых из подземелья мешков. В нервическом состоянии не оставлял юный умелец своих художественных помыслов: поспешно, весьма схоже зарисовал фелюгу со спущенным косым парусом, самих контрабандистов: толстяка, кубышку-грека, худющего турка, как сушёный стручок перца, трёх матросов-пиратов и оборванцев грузчиков. Лицеист был весьма доволен своим секретным занятием, предвкушая, очевидно, будущее поощрение от директора лицея за донос и похвалу за художества.

По жёлтой, зловонной жиже, стекающей из расщелины, шлепали босыми ногами, сгибались под тяжестью груза, обессиленные грузчики-оборвыши, оттаскивали к пенному прибою последние мешки.

В море, на рейде, в миле от одесского маяка стояло на якоре массивное торговое судно, кочерма⁸ под флагом османской империи. На кровавое полотнище с белым полумесяцем навёл медную подзорную трубу толстяк-грек, хозяин фелюги. В мутном оконце оптического прибора

⁸ Кочерма — двухмачтовое парусное судно, в турецком флоте в XIX веке применялось для перевозок грузов, высадки десанта, сторожевой службы. Активно использовалось торговцами, контрабандистами и пиратами на Чёрном море.

он уловил сигнал опасности: беспокойное, тревожное размахивание белым платком с палубы «торговца». Последовал грозный окрик грека к окончанию погрузки.

Один из голоногих матросов сдёрнул петлю швартового конца с известнякового, берегового обломка, кошкой ловко запрыгнул обратно на борт фелюги.

Босяки, с натугой, упершись руками в чёрные, просмоленные бока судёнышка, столкнули его с песчаного берега. Стоя по грудь в воде, слегка покачиваясь на волнах вместе с фелюгой, подтянулись нищие к корме, получили от грека расчёт за труды в несколько медяков и по серебряной монете, откланялись. Всей ватагой легко и дружно оттолкнули судно дальше от берега.

Бородач, вожак грузчиков, пожилой, широкоплечий, сухощавый хохол в холщовой рубахе навыпуск, стоял в воде по пояс, с глубокой печалью на обветренном лице трижды раз-машисто перекрестился, осенил крёстным знамением отходящую фелюгу, напутствуя необычный груз на долгое, тяжёлое, морское путешествие, прохрипел короткую матросскую молитву: «Всеблагая богородица, на коленях молим тя, не дай нам погибнуть в море».

Хмурый грек глянул в сторону берега, скверно выругался, будто увидел нечто отвратительное.

На вершине утёса замерла зловещая, человеческая фигура в долгополом чёрном одеянии, с чёрным глубоким капюшоном, скрывающем лицо.

Фелюга медленно и тяжело скользила, переваливалась по сизым волнам, отчаливая от берега. В неожиданном душевном порыве грек швырнул вожаку грузчиков бутылку ямайского рома. Бородач ловко поймал на лету подарок, от сей неожиданной щедрости в благодарственном поклоне обмакнул в волны бороду, тут же свернул сургучную заливку на горлышке бутылки, вытащил зубами пробку, сплюнул в воду, опрокинул сосуд в горло, жадно поглощая горячительную влагу. Затем неспешно спрятал бутылку с остатками рома за пазуху, заткнул за пояс, ещё раз с почтением откланялся хозяину фелюги, уплывающему с богатым грузом контрабанды.

На мачту фелюги рывками поддёрнули обтрёпанный, выцветший, российский торговый флаг, подтянули до клотика грязное полотнище косого паруса. Парусина расправилась, упруго выгнулась, поймала в широкие объятья дуновение ветра. Тяжко переваливаясь на волнах, выставляя под кровавое солнце ребристые просмоленные бока, фелюга взяла курс на османскую кочерму.

Полуголые, босые грузчики, вполне довольные заработком, выползли на песчаный берег, игриво потряхивали, подбрасывали в ладонях медные гривенные и полушки, привычно сунули серебряные монеты за щеку, подальше от поборов возможных контролёров, возбуждённо переговаривались меж собой, мечтая пропустить стаканчик — другой кислого винца в припортовом подвале таверны грека Потоппуло.

Бородач с блаженной улыбкой, усталого, но предовольного работяги, отогрел нутро приятным спиртным, придерживал рукой за пазухой початую бутылку рома, делиться с подельниками не собирался.

Вдруг развесёлый говор и смех артели разом стих. Грузчики замерли от ужаса, обернулись на дикий вскрик бельмастого босяка с уродливым родимым пятном во всю щеку.

Из чёрной щели лаза в склоне известнякового утёса в предзакатном, багровом мареве солнечного света выскользнули одна за другой, мрачными привидениями недавней эпидемии чумы, люди в чёрных, парусиновых плащах с капюшонами, в чёрных масках, наподобии уродливых вороньих клювов.

Осипшими голосами босяки заблажили от ужаса, бросились бежать врассыпную.

С появлением на склоне утёса чёрных призраков мрачный бородач замер, вздрогнул, затем согнулся, будто в пояс поклонился мрачным пришельцам подземелий. Опустился на колени в песок, дрожащей рукой истово осенил себя крёстным знамением и замер, как бы с

удивлением, близоруко рассматривая стальную стрелу арбалета с чёрным оперением, торчащую у себя в груди, и расплзающееся по рубахе чёрное пятно собственной крови.

За его спиной в сером песке судорожно сучил грязными ступнями ног босяк с родимым пятном на щеке, раненый такой же стрелой в плечо.

Остальные грузчики не успели пробежать и десятка метров, повалились в песок, оцепенели, замерли, будто древесные, уродливые коряги, выброшенные прибоем на берег. У каждого в спине торчал мрачный маячок стрелы с чёрным оперением.

На вершине утёса под кустами коротко взвыл и затих от ужаса мальчишка-лицеист, прильнул подбородком к пыльной, колкой траве, замер со звериным интересом от этой короткой и жестокой расправы над безоружными босяками, продолжил небезопасную слежку.

Медленно повалился на бок умирающий бородач. Его грязная, давно нестиранная, холщовая рубаха промокла от густого месива разлитого рома и крови, слилась липким подолом с окровавленным песком.

Бельмастый, с родимым пятном на щеке перестал сучить, дрыгать ногами, дико тарашил единственный зрячий глаз, смиренно ожидая своей участи.

Для пущего устрашения, люди в чёрных балахонах расправили по ветру полы плащей, будто прозрачные, перепончатые крылья гигантских летучих собак. На краях чёрной, парусиновой паутины обнажились, тускло поблескивая, когти — стальные абордажные крючья. Устрашающие фигуры призраками соскользнули вниз, неспешно спустились к песчаной полосе берега, масками-клювами повели по сторонам, убедились, что не упустили ни одного из грузчиков, склонились над жертвами, вонзили в их бездыханные тела абордажные крючья, потащили трупы через лаз обратно в недра подземных катакомб.

Бельмастый елозил по песку ногами, рычал от боли, когда его волокли по оползню крючком, воткнутому в плечо, в рану, рядом с торчащей стрелой арбалета, и вдруг заблажил, узнав под чёрной маской известную ему личность:

— Господин!.. Господин, это же я, ваш верный слуга Губан! За что, господин?! Я ж верой и правдой...

Один из Плащей поднял Бельмастого за шиворот, поставил на ноги, выдернул окровавленный крюк из плеча босяка, вызывая его звериный вой от боли, — милостиво подтолкнул его в спину кулаком в чёрной перчатке ближе ко входу в пещеру. Бельмастый губан зажал кровоточащую рану рукой, не вынимая стрелы из плеча, послушно заковылял на полусогнутых ногах внутрь чёрного провала.

Визгливо, по-бабьи взвыл юный лицеист. В клубах пыли на утёсе судорожно задёргались его казённые башмаки. Взметнулся по ветру чёрным крылом край плаща-покрывала одного из убийц, не пощадившего юной жизни.

Ученический листочек с частоколом кривых чёрточек и детским рисунком кораблика упорхнул по ветру в сторону грузового порта.

Далеко за маяком, при смене галса, фелюгу с грузом сильно раскачнуло на пологой стальной волне. Один из горбатых мешков тяжело повалился за борт.

Чернобородый грек яростно заорал на своих подручных. Вся команда сгрудилась у левого борта, в панике из-за утери груза. Ещё больше накренилось судёнышко. Фелюга черпнула приотпленным бортом воду, развернулась поперёк волны, потеряла ход. Косой парус сник, затрепетал под ветром огромной, безвольной грязной тряпкой.

Второй, горбытый мешок от качки не удержался в штабеле, повалился в воду. Его мгновенно проглотило сизое стекло волны.

Следом за утонувшим грузом отважно нырнул щуплый паренёк.

Промеж матросов втиснулся худой турок, сдёрнул красную феску, перегнулся через борт, сунул голову в воду, пытаясь рассмотреть что-либо под водой.

Первый мешок быстро тонул, растворяясь в сине-зелёной мгле. Во второй вцепился нырнувший матросик. Но груз оказался слишком тяжёл для щуплого юноши. Мешок продолжал тонуть, увлекая на глубину за собой ныряльщика, но погружение в синий мрак внезапно замедлилось. Мешок задёргался в конвульсиях, обозначил под мокрой мешковиной предсмертные судороги живого, человеческого тела.

Юный ныряльщик в ужасе разжал пальцы, выпустил углы мешка, судорожно задрывал лапками, как лягушонок, выдохнул от ужаса, опережая пузыри воздуха, устремился вверх, к тёмно-зеркальной, ломающейся от волн, поверхности моря к чёрному днищу фелюги, что безвольно покачивалась на волнах тушей мёртвого кита.

Паренёк вынырнул, зацепился обеими руками за борт, отплеваясь от солёной воды, заблажил от дикого ужаса. Могучий, невозмутимый грек, хозяин судна легко втащил юнца за шиворот обратно на палубу, отвесил подзатыльник, несколько раз взмахнул, отсемафорил платком в сторону османской кочермы, ответил на беспокойный, требовательный сигнал с «торговца» под кровавым флагом. Рулевой положил фелюгу в нужный галс. Ветер заполнил поникший парус.

Мокрый турок визгливо прокричал что-то по-турецки хозяину фелюги, потыкал пальцем в сторону волн под бушпритом. Грек мрачно отмахнулся, в ответ яростно прорычал смачное восточное ругательство, взмахнул увесистым кулаком. Турок сник, благоразумно удалился на корму.

Второй, выпавший за борт мешок, продолжал конвульсивно дёргаться, стремительно погружался в чернильную пучину моря. Мокрая, плотная мешковина судорожно растопырилась в стороны, обозначала руки и ноги, тонущего, зашитого в мешок человека. К поверхности моря просачивались сквозь плотное грубое полотно, устремлялись к поверхности моря последние гроздьи пузырьков воздуха, словно разодранная в клочья человеческая душа покидала бречное тело.

Агния и Агнесса

Осеннее, лиственное разноцветие укрывало аллеи Николаевского⁹ бульвара плотным, великолепным ковром. На одной из парковых скамеек отдыхал пожилой, болезненный господин, профессор Введенский с седенькой бородкой-клинышком, в старомодном сюртуке отставного служащего. Он опирался обеими руками о бронзовый набалдашник трости, задумчиво и мечтательно созерцал спокойный горизонт стального моря, где таяли в голубоватой дымке паруса уходящего торгового судна под кровавым турецким флагом.

Профессор любил побродить, посидеть в одиночестве на краю городского плато, откуда открывался великолепный вид на гавань с кораблями и море.

На этом самом месте, в середине XVIII века возвышалась турецкая крепость Ени-Дунья¹⁰. Ныне широкий бульвар, ежели сидеть спиной к городу, венчал слева Воронцовский дворец, справа — площадь с памятником¹¹ Дюку де Ришелье в обрамлении великолепных зданий, дальше раскрывала каменные объёкта Думская площадь.

В минуты безмятежного покоя и отдыха образованный, умудрённый жизненным опытом Введенский любил негромко, чтоб не сочли за сумасшедшего, побеседовать с самим собой пред духом почившего товарища, побрюзжать по-стариковски на невзгоды, горести и безнадежно хиреющее тело, проговорить вслух свои будущие, возможные мемуары:

— Жизнь — чудесный дар, господа. Она прекрасна всеми своими причудливыми, трагическими переплетениями человеческих судеб. Но вы бы ужаснулись, дорогой мой друг, Афанасий Ильич, если б узнали, как эти несколько лет, без вашего участия, сомкнулись в кольцо невероятных событий.

За спиной профессора послышался звонкий детский смех, нервный шёпот, девичье хихиканье. Введенский примолк, обернулся, осмотрелся по сторонам. Аллея бульвара оставались безлюдной. Профессор горестно вздохнул, понимая, что его старческие воспоминания о событиях давно минувших дней, сопровождалась слуховыми галлюцинациями.

Казалось, совсем недавно, какой-то десяток лет назад, по аллейке Нового бульвара бежали две хорошенькие, бойкие нарядные девочки, одна на год — на два постарше другой. Младшая, Агния, резвая, вёрткая, хулиганистая и своенравная, присела на корточки, распустила колокольчик пышного, светлого платица, собрала букетик осенних листьев, спрятала в нём премилое личико, пунцовое от бега. Старшая, Агнесса, более сдержанная, благовоспитанная, в белом платье гимназического покроя, остановилась, перевела дух, зашагала дальше медленно, с прямой осанкой, достойной будущей леди. Она бережно несла на руках, прижимала к животу, будто грудного ребенка, тряпичную куклу — игрушку младшей сестры.

— Агния! Агнесса! Ба-рыш-нии! Извольте вернуться!

Чопорная, худосочная дама, в чалме седых волос, в тёмных одеждах провинциалки, — мужиковатая гувернантка безнадежно отстала от своих резвых подопечных, раздражённо звонила издали колокольчик, призывала непослушных воспитанниц вернуться обратно.

Старшая сестра обернулась на мелодичный перезвон колокольца.

Младшая использовала момент свободы, метнулась в кусты, спряталась за известняковой тумбой с вазоном.

⁹ По самой распространенной версии, первоначально бульвар назывался Новым, затем Приморским, после русско-турецкой войны до 1919 года — Николаевским.

¹⁰ Ени-Дунья — в переводе с турец., усл. — «Новый мир».

¹¹ Один из старейших памятников Одессы, установлен в 1827 году.

Агнесса потеряла из вида младшую сестру, с беспокойством оглянулась по сторонам, в последний момент заметила конец голубой, развязавшейся поясной ленты, змейкой ускользнувшей за тумбу. Старшая сестрица строго нахмурилась, обошла тумбу с другой стороны, осторожно заглянула за угол, увидела сидящую на корточках непослушную сестрёнку.

Малышка Агния увлечённо карябала, выводила острым камешком каракули на податливом известняке тумбы. Агнесса высунула из-за вазона тряпичную куклу с пуговками глаз, проговорила за неё, утрируя голос под кукольного персонажа, предлагала закончить игру в прятки:

— Туки-луки, Агня. Мы с Агнешкой тебя нашли! Домой! Пора домой!

С бульвара продолжал нервно трезвонить колокольчик гувернантки.

Младшая сестрёнка капризно нахмурилась, выходить из укрытия не собиралась. Она докарябала на тумбе забавное лохматое солнышко, в серединке дорисовала переплетённые буквы «Р» и двойное «АА», с большим неудовольствием, свойственным подрастающей личности заявила:

— Мы не телёнки! Пускай звенит себе, корова.

— Фу! Как это грубо, Агня! Как не культурно! — возмутилась Агнесса. — Во-первых, не телёнки, а телята. Во-вторых... — назидательно проговорила старшая сестра, испуганно примолкла.

Ниже бульвара по склону продрались сквозь кусты Греческого парка, принялись гуськом сползать, спускаться к морю трое ужасных бродяг в грязных одеждах. Тощий оборвыш приостановился, оглянулся на звонкий девичий голосок, прохаркал нездоровым смехом, прохрипел товарищам:

— Губан, ай, Губан! Глянь, какие аппетитные барыньки-то наверху, ай? Чистянькия! Румяненькия! Так ба и скушал зараз! Хам-хам! Прямо сахарок. Хрум-хрум-хрум!

Косолапый, низкорослый крепыш, по кличке Губан, в грязном, поношенном сюртуке возникшего, оглянулся, ужасая своей жёлтой, морщинистой, уродливой личиной, бельмастым левым глазом, родимым пятном во всю щёку и оттопыренной слюнявой губой, от которой, видать, и получил свою кличку. При виде белоснежных одеяний юных девочек, на фоне глубокой солнечной тени, Губан ощерился в жуткой улыбке однозубого рта, просипел, пропитым, простуженным голосом:

— Свежааатинка!

Двое грязных сотоварищей ответили харкающим, хриплым смехом пропойц. Забавы ради, ужасный Губан раскинул обрывок рыбацкой сети, что волок за собой. Тощий подхватил другой конец сети, распустил в короткий невод. Оба шутника поползли обратно, вверх по крутому склону ближе к девочкам, как бы намереваясь их поймать. Старшая Агнесса, хоть и не расслышала фраз ужасных босяков, нервно схватила младшую сестру за руку, попыталась вытащить её из-за тумбы обратно на солнечную аллею бульвара. Младшая Агнешка из вредности упиралась, капризничала, мотала головёнкой, отказывалась подчиняться. Старшая сестра решила напугать её, страшным шепотом прошипела:

— Это же бандиты! Нас могут похитить, убить! Бежим скорей!

Малышка Агния совершенно не испугалась перекошенных рож шутников, крадущихся на карачках вверх по склону, потрясающих обрывком сети. Наоборот, резвая и бесстрашная до глупости, девочка восприняла это как безобидную игру, предложенную взрослыми, заверещала весело:

— Рыба-рыба-рыбаки! Порыбачат у реки! Ну-ка, ну-ка, попробуй-ка, поймай меня! Туки-луки! Туки-луки! Отломились у всех руки!

Младшая отползла на корточках, спряталась за угол тумбы с вазоном.

— Глупая девчонка! — возмутилась Агнесса. — У них пиратские рожи! Бежим скорее!

— Эт-то головор-р-резы капитана Флинта! — задорно и весело закричала безрассудная малышка Агния, запела тоненьким, высоким голосочком:

— Ё-хо-хо! На сундук с мертвецом и бутылка рома!..

Хриплым кашлем-смехом ответили ей ужасные оборванцы, подобралась по крутому склону совсем близко к девочкам. Бельмастый Губан решил не тянуть с шуткой, бросил конец сети в сторону старшей Агнессы, та ловко увернулась. Младшая Агния смело подхватила сухую, суковатую ветку, защищая сестру, размашисто хлестнула Губана по грязной когтистой руке, протянутой в её сторону. Когда шутник зацепился чёрными ногтями за подол нарядного платья девочки, потянул к себе, Агния жёстко ударила Губана веткой по лицу. Тот хрипнул от боли, грязно выругался, приложил пятерню к бельмастому глазу. Сквозь коряги его пальцев по небритой щеке медленно поползли щупальца чёрной крови. Губан взвыл от гнева и боли. Агнесса в этот момент с силой выдернула младшую сестру за руку обратно на солнечный бульвар.

Перепуганная собственной отвагой, малышка Агния спряталась за спину сестры. Агнесса заметила на скамейке немолодого, подтянутого мужчину, будущего профессора Введенского, ещё без бородки, с бледными, припухлыми щеками. Он пристально наблюдал за выскочившими на бульвар девочками, надел на нос пенсне, для лучшего зрения. Услышал звериный вой из-за кустов, поспешил подняться, бросился на помощь перепуганным детям.

Кусты за гипсовой тумбой с вазоном развалились в стороны хвостами, открыли ужасающие бандитские рожи босяков. Введенский храбро пригрозил оборванцам модной тростью с бронзовым набалдашником. Тревожные перезвоны колокольчика, что сотрясала в отдалении и негодовании гувернантка, так же заметив своих подопечных, повергли грязную компанию босяков в замешательство. Листвяная завеса кустов задвинулась, сокрыла перекошенные бандитские рожи. Преступная ватага оставила за собой право на бесчинства в вечернее и ночное время. Днём предпочла скрыться, не выбираться в свет, несмотря на глупое ранение от руки ребёнка своего товарища, взбешённый рык и вой которого ещё некоторое время доносились из-за кустов.

Агнесса потянула младшую сестрёнку за руку, приблизилась к Введенскому, определив в нём единственного защитника и спасителя, в благодарность присела в лёгком книксене. Откалываясь она и тряпичной куклой, тем самым, выражая своё нервное состояние и ужас, только что пережитый при появления столь жутких оборванцев. Младшая Агния угрюмо молчала, не менее сестры потрясённая своим храбрым и безрассудным поступком, правильно разумея, что острым сучком сухой ветки могла лишиться бельмастого страшила его невидящего, мутного глаза.

Дрожащим голосом кукольного персонажа старшая Агнесса, скрывая свое волнение, проговорила, обращаясь к Введенскому:

— З-з-здравствуйте, сударь! Премного благодарны за ваше участие!..

Малышка Агния обернулась назад, не нашла среди кустов страшных шутников, понимая с детской непосредственностью, что беды, скорее всего, удалось миновать, таким же тоненьким, дрожащим голосом, как и у сестры, пропела:

— Здравствуйте, господин поэт!

Введенский, несколько суетливо, что выдавало и в нём волнение от ужасной встречи с представителями житейского дна Одессы, постарался увести напуганных девочек подальше от опасности, которую всё ещё могла таить стена кустов, хотя сам изрядно, внутренне испугался, но вида не показал, при появлении столь жутких бродяг, которых принял за безумных грабителей, выползших из подземных укрытий среди бела дня.

В свои четырнадцать лет, Агнесса была невероятно хороша. Восковым личиком, статной фигуркой девочка напоминала изящную куколку из фарфора мейнсенской¹² мануфактуры. Введенский привозил подобные миниатюры из Германии в подарок своей юной супруге.

¹² Первая в Европе фарфоровая мануфактура Мейсен была основана в 1710 году. Для светской Европы мейсенский фар-

Младшая Агния, года на четыре младше сестры, напоминала шекастого чумазого мальчугана, в шутку принаряженного в розоватое ситцевое платьице с воланами, оборочками, кружавчиками. Щелочки её глаз искрились весёлой влагой.

Близ памятника Дюку де Ришелье профессор остановился, перевёл дух, улыбнулся, ответил сёстрам сдержанно, игриво:

— Фуф! Как же вы неосторожны, юные невесты! Добрый и вам день! Не сочтёте за дерзость в другой раз принять меня в провожатые?!

Старшая Агнесса приняла суровый, независимый вид, ответила с иронией, не свойственной четырнадцатилетней девочке:

— Простите, сударь, вы слишком стары для флирта. Хотя мы с сестрой весьма благодарны вам за спасение, но... — девочка не договорила, сочла свои замечания всё же неуместными в данной ситуации.

«Сударю» Введенскому в то время не исполнилось и сорока лет. Для юных девочек, разумеется, он казался уже глубоким стариком. От неожиданности профессор замер с открытым ртом, оказавшись не в состоянии достойно ответить задиристой малолетней красавице. Младшая Агния забрала у сестры куклу, сказала от её имени, картавя, поддерживая игру в этот своеобразный кукольный театр:

— Мы с Агнешкой бесконечно благодарны вам, сударь...

Агния имела в виду свою тряпичную куклу в тряпичном сарафанчике цвета перспелой вишни, обозначила игрушкой уважительный поклон.

— Извините, барышни, дабы не запутаться в именах, — решил уточнить Введенский. — Значит, вас зовут Агния и Агнесса? Вашу тряпичную воспитанницу, если я правильно понимаю, Агнешка?

— Именно так, — ответила старшая сестра, снисходительно склонила головку, ухоженную, в крендельки завитушек светлых волос.

— Позвольте выразить вам почтение и признаться: мы втроем, инкогнито, были на вашем вечере поэзии, — продолжила младшая Агния голосом куклы.

Введенский искренне обрадовался.

— Вот как?! Невероятно! — воскликнул он. — Дети посетили столь нудное мероприятие, как вечер местных поэтов?! Очень и очень приятно! Как же вам показался ваш современник-рифмослагатель в моем лице?

Мужиковатая гувернантка, тем временем, тяжёлой поступью гренадёра, подошла к подопечным, угрюмым поклоном поблагодарила за участие Введенского, почтительно замерла в ожидании окончания «светской» беседы.

— Как вам поэзия нашей северной Венеции, милые барышни? — продолжил Введенский заискивающим тоном.

Старшая Агнесса гневно сверкнула глазами на гувернантку, давая тем самым понять, что она давно вышла из возраста подчинения, несколько картинно красуясь пред миловидным, при ближайшем рассмотрении, вовсе не старым мужчиной, в которого можно было бы и влюбиться, в отсутствии достойных ровесников, но не щадя самолюбия Введенского, вдруг заявила:

— Отвратительно! Глупые стихи, сударь! Вы плохо подражаете Гёте, лорду Байрону и... Бог знает, кому-то ещё... весьма и весьма узнаваемому. Какой смысл, в столь наивном подражании?!

Обескураженный дерзкой прямоотой девочки, Введенский охнул и нахмурился. Категоричное заявление юной барышни повергло его в уныние, но ответил он выдержанно, спокойно и удручённо:

— Так-так. Спасибо, спасибо, юные занозы! Оказывается, изучать русскую словесность, ещё не значит складывать удачную рифму.

— С господином Пушкиным в поэзии вам, сударь, увы, никогда не сравняться! — неумолимо продолжала свою неоправданную агрессию старшая Агнесса.

— Вот как? — не сдавался унылый Введенский. — Я лишь равняюсь на светилу русской поэзии, но подражать ему не намерен и не смею. Стихи и рифмы, как мысли, мои беспощадные барышни, приходят сами по себе. Ночное вдохновение, знаете ли... Но отчего ж я впал в немилость пред столь юными особами?

Агнесса нахмурилась сурово, осуждающим тоном заявила:

— У вас слишком юная супруга, сударь! И вы смеее появляться с ней в свете?! Это же неприлично! Вас могут принять за отца с дочерью.

Агния глупо хихикнула, поддержала старшую сестру:

— Да-да. Она вам как дочка!

Кукла в руках Агнии закивала плоской, тряпичной, безносой головой с глупыми глазками — пуговками.

— Да-да-да! — игриво заверещала малышка Агния. — Слишком маленькая для жены даже ростиком! Не кажется ли вам, сударь, это... хи-хи!.. смешно!

Обе сестры прыснули от смеха, убежали по аллейке прочь от гувернантки.

Ближе к памятнику Дюку на проезжую часть бульвара в этот момент выехала, приостановилась чёрная, лакированная карета с замысловатым гербом на дверце. Край тяжёлой занавески бордового бархата на окошке отвела в сторону мужская рука с крупным чёрным агатом в перстне, поманила кого-то пальцем.

Из кустов выбрался коренастый оборванец Губан. Правый глаз его был перевязан грязной, кровавой тряпкой. Раненый Губан, неловко, без опаски озираясь по сторонам, взобрался за задворки кареты. Карета прибавила ход, укатилась по бульвару в сторону Воронцовского дворца. Губан с задворок проезжающей кареты приметил девочек, погрозил им во след грязным кулаком. Беспечные сёстры этого не заметили.

К Введенскому, обескураженному детской недоброй прямотой, агрессией и резкостью совсем недетских высказываний, с ироничной улыбкой на масляном лице, подошёл тучный господин Потоцкий, спросил намеренно громко и язвительно:

— Как вам показались юные занозы, сёстры Рудерские, уважаемый Велемир Васильевич? Огонь и лёд?! Шипы и розы?

— Ах, Афанасий Ильич, право, не заслужил я такого отношенья! — раздражённо ответил Введенский, разразился недоброй тирадой:

— Ошпарили и обожгли! Разодрали в клочья, разнесли в прах, жалкую душонку поэта, беспощадные, злые, скверные, неблагодарные девчонки! Простите за резкость. Обидели ни за что... своего спасителя! Ах, право, не ожидал от малолетних заноз подобных нелестных отзывов на свои стихотворные вирши, признанные!.. Извольте заметить, Афанасий Ильич, признанные в петербургских поэтических кругах! Что ж, весьма и весьма обидно!.. обидно, знаете ли, но... Да Бог с ними! Хотя весьма поучительно и полезно узнать искреннее мнение аудитории о своём творчестве. Но обидно. Да-с! Обидно, — повторял и повторял, никак не мог успокоиться оскорблённый Введенский.

— Простите их великодушно. Сироты, — пояснил о сёстрах Потоцкий. — Мать с отцом погибли от рук грабителей в пригороде Петербурга. Такое страшное горе... Сёстры остались на попечении дяди — промышленника Градова. Ближайшего, кстати сказать, родственника самого генерал-губернатора.

— Неужто, стихи мои столь плохи и невнятны? — горевал о своём фиаско Введенский.

— Вы меня, торговца спрашиваете? — снисходительно улыбнулся Потоцкий. — По мне так весьма хороши. Гимназистки, видать, иного мнения. К образованной молодёжи надобно прислушиваться. Наше будущее.

Он посмотрел во след колокольчикам светлых платиц сестёр, улетающих, словно по ветру, по аллее впереди гувернантки, и признался:

— Старшую, Агнессу я себе на будущее приметил. Девочка с характером и достоинством. Умна, расчётлива не по годам. Хорошая может случиться партия.

Введенский тяжко вздохнул.

— Они меня старым обозвали.

Потоцкий возразил задорно:

— Что есть, то есть! По их младым летам — безнадёжно старые мы оба! Но это ж, ровным счётом, ничего не значит, мой любезный друг. Мы ж при том, при сём — вовсе не бедные! Имеем право долго не стареть!

Потоцкий натужно расхохотался, вдруг хрипло и болезненно закашлялся. Введенский по-дружески легонько похлопал старого знакомого по плечу.

— Полноте, Афанасий Ильич, — упрекнул он слишком уж бодрящегося Потоцкого, — побережь бы себя надобно. А вы всё волочитесь за молоденькими. Годы уж какие наши?

— Какие такие наши годы?! — возмутился Потоцкий. — У купца Морали, торговца пшеницей, да будем вам известно, — две жены, три любовницы! А ему — за шестьдесят! Вот эт-то я понимаю, жизнь во сласть! Так что, в наши-то с вами лета, уважаемый Велемир Васильевич, жизнь заходит на следующий виток. Да и у вас, как мне помнится, супруга в годах весьма и весьма юных.

Потоцкий шутиливо погрозил товарищу пухлым пальчиком.

— Так уж и юных! — смутился Введенский. — Двадцать с лишком лет — это ли не годы женской зрелости, любезный?!

— С лишком? — саркастично уточнил Потоцкий. — На сколько, на месяц или на два? Деятнадцать в прошлом году, как мне помнится, стукнуло вашей барышне.

— Ах, весьма вы осведомлены, Афанасий Ильич, — строго перебил Введенский, — в делах моих семейных!

— Одесса — город с пятачок, а дамы здесь остры на язычок! — пошутил Потоцкий, приобнял старого знакомого за плечи, сделал знак к примирению. — Не будьте так обидчивы, мой друг! Это признак слабой воли.

— Нисколько я не в обиде на ваши слова! Позвольте, любезный, украду у вас рифму! — с удовольствием пошёл на примирение Введенский. — Пятачок — язычок! Прелестно!

— Извольте, дарю! — великодушно разрешил Потоцкий. — Купцу пустые рифмы ни к чему.

Мужчины раскланялись друг перед другом, живо переговариваясь, медленно удалились по аллейке, устланной пред ними шуршащим паркетом разноцветных, осенних листьев.

Много лет спустя, сидя на той же самой скамейке, той же самой аллейки, но уже Николаевского бульвара недалеко от тумбы с гипсовым вазоном профессор Введенский с печальной ностальгией вспоминал благодатные времена, негромко, по-стариковски бормотал, будто рядом сидел его незримый собеседник, который уж давным — давно почил:

— Так вот, благодаря вам, уважаемый господин Потоцкий, я ближе познакомился с обеими сёстрами. Со старшей, Агнессой меня ещё раз свела судьба. Что случилось с младшей до сих пор остается тайной за семью печатями.

Мрак

Слепящий, огненный, солнечный зрак, разогревая землю для очередного дня, выползал из-за смоляной громады моря. Синеватыми прозрачными призраками колыхались в этом оранжевом мареве мачты парусных торговых судов.

Пожилой, седовласый Введенский в одиноких прогулках по бульвару по-прежнему часто навещал место встречи с юными сёстрами, посиживал на скамейке, с огромным сожалением, как бы вполголоса беседовал по-стариковски с самим собой, вспоминал, как несколько лет спустя после встречи с девочками город у моря погрузился во мрак чёрной смерти. Вернувшись в свой номер отеля «Рено», профессор переносил воспоминания на бумагу, день за днём обращал ровные чернильные строчки в роман:

— «...в начале августа, в Одессе замечена была необыкновенная смертность в разных классах народа, происходящая от жестоких, гнилых или нервических горячек, весьма частых в степи Новороссийской. Одесский полицмейстер Мавромихали получил от герцога де Ришелье приказание созвать всех находящихся в городе врачей, дабы решить, какого свойства эпидемия, постигшая безопасный до ныне город, и принять все средства к её уничтожению...»¹³

В это же самое время, в театральном доме, занимаемом актёрами на Вольном рынке, близ Александровского проспекта умирало несколько человек. Все, казалось, были одержимы одной и той же болезнью.

Главный доктор Карантина, созданного при театральном доме, коллежский ассессор господин Ризенко решился, наконец, произнести в обществе чудовищный приговор: чума.

Страшная весть достигла купеческого дома по Екатерининской улице, когда юная курсистка из Петербурга Агния Рудерская собиралась отправиться на бал госпожи Пудовой по приглашению самого генерал-губернатора. Корнет Вольский, славный молодой человек из обедневших дворян, вызвался проводить красавицу Агнию на бал, а вечером принес чудовищное известие о пришествии в город ужасающей заразы. Щёки взволнованного корнета пылали румянцем по причине бодрой ходьбы и безусой юности.

Бледная Агния в нарядном, открытом платье, по моде «антик», без сил опустилась в кресло в прихожей, взглянула на краснощёкого юношу в ладном военном мундире кавалергарда, тихо спросила:

— Вы сами часом не заболели, сударь?

— Господь с вами! — перекрестился влюблённый корнет, прищёлкнул каблуками со звонкими шпорами. — Чувствую себя превосходно-с. Однако ж, вам, сударыня, советую остаться дома, не покидать сего надёжного убежища до... до окончания эпидемии. Да-с. Год или два-с, — неловко пошутил он, смутился своей страшной шутке. — По городу объявлен строжайший карантин.

— Да-да, карантин, — едва слышно молвила, согласилась девушка, с глубокой печалью пробормотала:

— Горели факела. Тела людские дымились тлеющей отравой, — прошептала она, помолчала. — Картины Босха. Боже, наяву! Как это ужасно, — Агния пролила тихие слёзы. — Я лишь надеялась до осени у моря отдохнуть в душевной неге. Для чего ж судьба толкнула меня в чёрную пропасть?! Ах, мне следовало остаться в Петербурге!

— Не всё так ужасно, сударыня! Разрешите, я позабочусь о вас?! — воскликнул пылкий корнет в полной уверенности в своей счастливой звезде.

¹³ Из сочинения одесского жителя А. Скальковского. «Первое тридцатилетие Истории города Одессы (1795 — 1825)».

Через неделю корнет умирал от чумной лихорадки на койке военного госпиталя. Юная Агния в белом передничке медсестры поила его бесполезным травным отваром, со слезами отчаяния наблюдала за угасанием юноши.

Юная девица прибыла в Одессу недели две тому назад к тёплому морю, на отдых, в гости к дядюшке. Весть о чуме потрясла впечатлительную институтку. Она не выходила из дома, молилась в своей комнатке в мансарде вплоть до сообщения о смертельной болезни корнета. В тот же час кроткая Агния собралась, бесстрашно отправилась в госпиталь, где объявила о желании служить сестрою милосердия.

Живописная, свободная, оживлённая и весёлая, до недавнего времени, Одесса, украшенная по мощёным улицам чахлой зеленью кустарников и юных деревьев, в короткий миг самого жаркого месяца лета обратилась в мрачную декорацию смерти. Беспощадно заколачивались накрест досками двери и окна зачумлённых домов вместе с умирающими людьми. По ночам на узких припортовых улочках беспокойно стучала деревянная колотушка. Разъезжали дроги с наваленными, одеревеневшими мертвецами. В респектабельном центре города, близ оперного театра и отеля «Рено» грохотали по булыжным мостовым колёса подвод, гружёные, телами достопочтимых горожан, спелёнутыми грубыми холстинами. Сопровождали чудовищные процессии жуткие личности в чёрных парусиновых плащах с капюшонами, с чёрными клювастыми масками чумных лекарей и могильщиков. Смоляными факелами они освещали свой путь, уложенный не только людскими гниющими телами, но и бесчисленными трупами собак, кошек и крыс.

Смрадный воздух был пропитан запахом тлена, серы, удушливых дымов от костров, где сжигали умерших. Море близ Одессы напоминало вулканическую лаву, чёрную от хлопьев пепла. Эта жуткая густая смесь вяло покачивалась, переваливалась волнами у чёрных песчаных пляжей Ланжерона, Большого и Малого Фонтана, Аркадии.

Чудовищная болезнь не коснулась крепкого здоровья храброй девушки. Юная медсестра Агния в часы дежурства, словно бледное привидение блуждала среди коек больных, страшась взглянуть в окно, когда слышала приближающийся стук колотушек, замечала факельные отблески на чёрных стенах соседних домов.

Славная Одесса погрузилась во мрак. Прозрачное небо застила завеса зловонного, бурого дыма, затмевая, обращая ослепительное светило в прогорклый желток на мрачном, погребальном блюде неба. К полудню солнце превратилось в багрово-бурое зловещее око смерти. Город поглотила чёрная пасть чумы.

Мрачные улочки портового города, с жуткими узкими извилистыми канавами для стоков нечистот, озарялись жёлтым, зыбким светом факелов. Грохотали колёса телег по известняковой мостовой. Стучала колотушка, предупреждая горожан о продвижении процессии могильщиков. Свет факелов отражался в окнах перекошенных хибар, жалких хижин рабочих окраин города.

— ...посылаются бедствия, — нараспев, тонким дрожащим голосом прилежной хористки читала текст Святого писания юная Агния в больничной палате пред кроватью с умирающим юношей, корнетом Вольским, — и не возвратятся, доколе не приидут на землю. Возгорается огонь, и не угаснет, доколе не попалит основание земли.

В ставни окон одноэтажного барака напротив госпиталя громко стучали молотки. Чёрные могильщики в плащах с капюшонами заколачивали досками крест-накрест двери и окна. Изнутри барака доносились стенания, плач, дикие вопли умирающих.

На фоне полыхающих кострищ городской свалки жуткими изваяниями замерли на вершине насыпи наблюдатели — люди в чёрном. Грубая холстина плащей просвечивалась насквозь, будто перепончатые крылья ночных вампиров. Чудовищные маски могильщиков, в

виде грубо слепленных, бородавчатых чёрных клювов с прорезями для глаз, дополняли эту ужасную картину эпидемии чумы и мора горожан.

— И трупы, как навоз, будут выбрасываемы, — торжественно продолжала Агния чтение вслух, — и некому будет оплакивать их, ибо земля опустеет.

С подкативших подвод в костры сбрасывали очередные трупы человеческие.

В одну из таких тягостных ночей под кирпичные своды коридора госпиталя вошла мрачная процессия из пяти факельщиков с чёрными, уродливыми клювами под капюшонами. Факела были оставлены на ступенях при входе, воткнуты в известняковые вазоны с землей, что служили недавно цветниками. Никто не препятствовал шествию предвестников смерти. Однако, эта процессия пришла за живыми и здоровыми. Грубыми пинками ног в армейских сапогах пришельцы открывали двери больничных палат. Один из них вошёл в палату, где у постели умирающего юноши по-прежнему сидела кроткая Агния, нараспев перечитывала строки «Ветхого завета».

— ...и некому будет оплакивать их, ибо земля опустеет. Горе тем, которые связаны грехами своими и покрыты беззакониями своими!

Плащ повёл чёрным клювом по сторонам, направился к Агнии, негромко прохрипел:

— Нашёл тебя, красавица! Ужо поплатишься за мой глаз, негодница!

Впрочем, девушка этого не расслышала, привстала, чтобы защитить умирающего юношу, полагая, что пришли именно за ним, воскликнула:

— Он жив! Жив! Оставьте!

Чёрный, широкоплечий пришелец шагнул ближе, подхватил девушку под колени, легко перекинул через плечо её хрупкое тело.

Жуткий девичий вопль вызвал из забытия корнета. Умирающий юноша приподнялся на локте, сдвинул под подушкой рукоять заряженного пистолета, что приготовил для себя, на тот момент, когда сочтёт утраченной последнюю надежду на выздоровление. В жёлтом, ватном тумане угасающего сознания корнет различил чёрную смерть, уносящую белый кокон очередной жертвы. Юноша свалился ничком с кровати на колени, шатаясь от слабости, на четвереньках последовал за возлюбленной.

Чёрные плащи уносили на своих плечах гибкие, бесчувственных тела в белых одеждах сестёр милосердия. Могло показаться, где-то срочно понадобилась помощь и таким варварским образом решено было доставить сестричек к месту очередной трагедии, если бы не вопли, стоны и стенания похищаемых девушек.

Шаткой походкой корнет брёл следом, опираясь руками о влажные, скользкие стены коридора, хрипел от бессилия. Когда толстяк в пенсне, дежурный врач госпиталя преградил проход похитителям, в его белоснежный халат с чудовищной силой ударился багровый бутон, развёرز грудь кровавым месивом, отбросил врача спиной на стену. Под сводами коридора гулко хряснуло, раскатился звук выстрела. На этот звенящий хруст в ушах ответил выстрелом своего пистолета корнет. По жуткой несправедливости свинец попал в невинную жертву, прикрывающую спину похитителя, уходящего последним. Одна из медсестер вскрикнула, обмякла, и её, мёртвую, сбросили с плеча на пол за ненадобностью.

Словно жуткий предсмертный сон в кроваво-огненных сполохах воспринимал происходящее корнет. Сил у юноши хватило, чтобы выбраться во двор, откуда отъезжали подводы, гружённые мешками. Корнет судорожно сжимал и разжимал палец, щёлкал и щёлкал спусковым крючком своего разряженного оружия, затем из последних сил размахнулся, швырнул пистолет во след последней отъезжающей телеге, на удачу, попал тяжелой бронзовой рукоятью в маску возницы, обернувшегося на его дикий крик. Клювастая маска раскололась, осыпалась, как скорлупа пересохшего грецкого ореха, открывая ужасный лик известного в Одессе граби-

теля и убийца по кличке Губан, с жуткой впадиной незрячего правого глаза на лице и чёрным родимым пятном во всю левую щёку.

Тряпичной, обмякшей куклой с выдернутой проволочной арматурой юноша повалился со ступеней. Земля с прогорклым, чёрным, пепельным, пыльным покрывалом накренилась как палуба корабля при шторме, бросилась навстречу корнету, ударила в лицо, забила глазницы.

Это были последние, просветлённые моменты короткой жизни юного корнета. В жарком бреду, грязного, пыльного, его перенесли обратно в палату, уложили на жёлтые простыни, оставили на его груди белоснежным комочком — платочек, выпавший из рук его похищенной возлюбленной. На перепачканной суконной больничной пижаме, на груди корнета ослепительным венчиком цветка высветилась белизна батиста, поблёскивала золотистая вышивка в виде солнышка и вензеля с буквами «Р» и сдвоенной «АА».

— Боже мой, Бог солнца, — прошептал невольную ересь умирающий христианин и романтик корнет, — храни невинную девушку Агнию Рудерскую ради всего святого...

Старшая сестра

Два года спустя в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, у собора, после окончания погребального обряда графиня Агнесса Рудерская, весьма похожая на свою младшую сестру Агнию, в чёрных одеждах, в траурном чепце с вуалью, принимала соболезнования по поводу скоропостижной кончины супруга. Один за другим к ней подходили важные, чопорные господа в цилиндрах, учтиво раскланивались, негромко говорили пустые, фальшивые фразы в утешение, почтительно склонялись к руке графини, сухо прощались и уходили.

Женщин было четверо, весьма почтенного возраста. Вероятно, ровесницы почившего супруга молодой графини. Скорбящие дамы посматривали на вдову с неприязнью, перешёптывались между собой, отчего со стороны казались чёрным клубком шипящих змей.

— Бедный, несчастный наш Афанасий Ильич, так скоропостижно отошёл он в мир иной! — с трагическим придыханием сказала первая дама, о молодой вдове ядовитым шёпотом добавляла:

— Рада-радешенька, небось...

— Погуляет, погуляет нынче вдовушка, — поддержала вторая саркастичная дама. — Вдоволь нагуляется.

— Неделю — другую горевать станет, а там...

— К вечеру ейные кобели утешать притащатся! — негромко перебила первую даму третья.

Четвёртая с черным сарказмом согласилась:

— Ей-ей, и ночи вдовушка не переживет одна.

Женщины неуместно громко шушукались, подленько похихикивали. Их строго и грозно одёрнул профессор Введенский:

— Полноте! Право, стыдно, дамы! Сплетницы дворовые! — проворчал он возмущённо:

— Это ж надо, в таком-то месте! Бесстыдство! — истово перекрестился он на купольный крест собора. — Креста на вас нет, грешницы!

Профессор подошёл к молодой вдове, уважительно приложился губами к её руке в чёрной, лайковой перчатке, негромко сказал:

— Позвольте, сопроводить вас, сударыня. А то наше столичное воронье... — он кивнул в сторону дам в чёрном. — ...глаза вам повыклюют. Вот же неймётся ядовитым язычкам нашего завистливого купечества и дворянства. Вырождается, вырождается белая кость... Чем же вы им так досадили, сударыня? — после недолгой паузы сам же и ответил:

— Впрочем, ответ прост: молодостью и красотой.

Профессор подставил локоть графине. Та с благодарностью приняла внимание столь обходительного пожилого господина, взяла его под руку. Неспешно удалились они к выходу лавры.

Это небольшое событие пожилые дамы тоже не переминули обсудить.

— Ах, вот и первый ухажёр нашёлся, — с ехидством объявила первая дама.

— Песок уж сыплется, а всё туда же... в петушки! — злобно пошутила вторая.

Третья интригующим шёпотом пояснила подругам:

— Сказывали, свою—то юную супругу профессор уморил на водах, в Пятигорске. Вернулась... двух дней не прошло, испустила дух Надежда Тихоновна. Земля ей пухом бедняжке.

— Да что вы говорите?! — не сильно-то и удивилась очередной грязной городской сплетне четвёртая дама. — Правда? Ну-ка, ну-ка, расскажите подробнее. Ужас, какая я падкая на такие славные истории...

Гостиная в доме графини была затемнена, будто могильный склеп. Тяжёлыми, кроваво-бархатными портьерами занавешены окна. Зеркала покрыты тёмными платками, шальями. Потрескивала, постреливала искорками одинокая восковая свеча на комод, беспокойно подёргивала огненной головкой под висящим на стене живописным портретом господина Потоцкого, в тёмно-зелёном, с золотым шитьём, мундире Министерства финансов, с красной и чёрной каймой орденской ленты святой Анны через плечо. Через верхний угол рамы портрета была переброшена траурная ленточка.

Графиня Рудерская отодвинула портьеру на одном из окон, молча, скорбно и бездумно взглянула на золотой ребристый купол Исаакиевского собора, потускневший на фоне серого ненастного неба. В дверь гостиной осторожно постукали костяшками пальцев.

— Простите, ради бога, сударыня. Вынужден потревожить, — раздался из прихожей хриловатый голос профессора Введенского.

Графиня не ответила, но обернулась навстречу вошедшему. Введенский осмотрелся по углам просторной гостиной, будто поискал призрак своего покойного товарища, долго созерцал парадный портрет почившего Потоцкого, тяжело вздохнул, перекрестился в сторону окна на крест собора.

— Все там будем, — молвил он печально, кивнул на портрет. — Знали... знали друг друга с детства. Страшно представить, — более полувека. Простите, великодушно, в столь траурный день вынужден принести вам и другие нерадостные вести.

Профессор помял в руках пергаментный конверт, но не отдал графине. По его смущённому лицу было заметно, что чувствовал он себя весьма неловко. Его раздирали противоречивые чувства, скорби и надежды, порядочности и похоти. Он невольно засмотрелся на горделивую осанку статной графини, на её тонкую талию, слегка откашлялся, продолжил вкрадчивым тоном, давая намёк своим тайным намерениям.

— Но... приходится ставить вас в известность, сударыня: завтра по утрам отбываю в Сорбонну, читать лекции по русской литературе. Однако же, сначала вернусь в Одессу, соберу архив, свои бумажные труды. Затем морем — в Марсель и дальше, дальше... за горизонт. Хе-хе, — неловко и ни к месту пошутил он. — Пробуду в Париже год или два... Кто знает? После фиаско в войне, знаете ли, французы охотно идут на *coopération scientifique*... научное сотрудничество. Предоставляют гранты учёным и поэтам из России. Нда... Простите, в столь скорбный час я со своими ничемными разглагольствованиями.

Профессор умолк, в упоении безнадежно влюблённого, созерцая отрешённое, мраморное лицо молодой вдовы в таинственной завеси чёрной сеточки вуали. Он понимал, графиня не вполне воспринимала его слова. Протянул, наконец, ей конверт, опечатанный сургучной печатью с двуглавым орлом.

— Из Одессы, — пояснил он. — От самого генерал-губернатора. По поводу вашей младшей сестры. Весной лично встречался с Его Превосходительством.

От внезапно нахлынувших чувств, волнения, бессилия графиня Рудерская присела, затем порывисто поднялась со стула. Взгляд её живо отреагировал на слова гостя. Она судорожно выхватила конверт из рук Введенского, едва успела сломать печать.

— Боюсь, ничего утешительного... — опередил её профессор. — Неделию как прибыл в Петербург и вот опять, в отъезд. Но... но пока Афанасий Ильич был при смерти, не решался вас беспокоить.

Графиня отошла к комоду, долго взирала на трепетное пламя свечи, засмотрелась на прозрачные восковые слёзы, стекающие по оплавленному огарку. Её начали душить внутренние рыдания, прорываться всхлипами. Она не выдержала, зашлась в сдавленном плаче. Оперлась обеими руками о комод перед портретом почившего супруга, склонила голову над горячей свечой.

Потрясённый явным и глубоким горем несчастной женщины, Введенский и вовсе растерялся. Лицо пожилого господина вдруг исказилось гримасой ужаса. Он беспомощно похватал воздух широко открытым ртом, приложил руку к груди, обессиленный, рухнул в ближайшее кресло.

Полутёмная комната вдруг озарилась ярким оранжевым свечением.

Вспыхнула от пламени свечи вуаль на шляпке графини, которую она так и не сняла.

Агнесса Рудерская не растерялась, решительно сдёнула с головы шляпку с горящей вуалью, швырнула к ногам, залила пламя водой одной из ваз с цветами. Погасив возгорание, она намеренно медлительно, рассыпью уронила на чёрный паркет букет тёмно-бордовых роз, некоторое время созерцала исходящий паром и дымом ворох своей шляпки и остатков вуали.

Введенский унял нервный озноб, откашлялся, обозначая свое присутствие, сказал с волнительной хрипотцой в голосе:

— Прошу прощения за дерзость... Позвольте, сударыня, предложить вам своё участие.

— Да-да. Прошу вас сопроводить меня в Одессу, — решительно согласилась Рудерская.

— Почту за честь, — прохрипел профессор, тяжело поднялся из кресла, откланялся, неловко попятился откляченным задом к двери.

Графиня бездумно побродила по квартире, вошла в комнату сестры, убранную в детской радужной манере, с весёлыми цветастыми порттьерами на окнах, с мебелью, покрытой чехлами в розовых тонах. На стене у окна висел живописный портрет молоденькой, прелестной девочки в гимназическом платьице, Агнии Рудерской, младшей сестрёнки.

На розовом покрывале детской кровати лежала тряпичная кукла с бантом, с пришитыми пуговками вместо глазок. Рядом с кроватью на полках восседали дорогие куклы в пышных нарядах, с фарфоровыми, туповатыми личиками и глупыми, стеклянными глазками. Но именно скромная тряпичная куколка покоилась головкой на подушке, обозначая своё привилегированное положение в этом богатом, дворянском доме.

На передничке куклы по-детски неровно и коряво было вышито цветными нитками солнышко с кривыми лучиками, переплетённые букочки «Р» и сдвоенное «АА» — вензель любящих сестёр.

Графиня с глухими рыданиями повалилась на кровать, прижала к груди куклу, будто малого, беззащитного ребёнка.

Ранним, серым утром, экипаж, запряжённый двойкой пегих лошадок, ожидал на набережной. На нижних ступенях спуска у тёмных прибрежных вод, словно чёрная статуя, замерла статная Агнесса Рудерская в траурных одеждах. Она бережно держала на руках тряпичную куклу, словно убаюкивала на прощание умершего ребёнка. Графиня долго созерцала тёмные воды Невы, отражающие перевёрнутый вечный город.

К парапету набережной из экипажа неловко выбрался профессор Введенский, нетерпеливо спустился к воде по ступенькам.

— Простите, Бога ради, — негромко сказал он. — Путь долгий, надо поспешать.

Графиня словно ожила, склонилась, бережно опустила в тёмную смоль воды тряпичную игрушку.

Кукла медленно закружилась в водовороте, уплыла по течению, обозревая весёлыми глазками-пуговками низкое небо Петербурга в тяжёлых, свинцовых тучах. Кукольный розовый передничек с цветной монограммой солнышка и буквами «Р» и «АА» полоскался в чёрных волнах.

Свет и тень

Три месяца спустя, в Одессе графиня Агнесса Рудерская и Введенский степенно прогуливались по бульвару в том самом месте, где когда-то профессор наблюдал за играми двух юных сестёр и, по сути, спас девочек от насилия приبلудных бродяг и грабителей. Они неторопливо подошли к известняковой тумбе с гипсовым вазоном, подкрашенным известью. Туманный взгляд графини оживился. Рудерская заглянула за тумбу, увидела на шершавом боку процарапанное когда-то младшей сестрой изображение солнышка с их детской монограммой в виде букв «Р» и сдвоенной «АА».

Графиня прикрыла руками в чёрных перчатках лицо, тихонько всхлипнула. Профессор терпеливо стоял поодаль, не решался потревожить Рудерскую в её безутешном горе.

После окончания каждой из чумных эпидемий Одесса трижды неизменно оправлялась от чёрного мрака.

Ожились потоком нарядных экипажей центральные улицы города. Вновь закопошились людскими муравейниками рынки, барахолки, мастерские, магазины и склады. Акватория Практической и Карантинных гаваней красочно ошетилилась мачтами иноземных торговых судов, прибывших со всего света. Жизнь начиналась заново.

«Поздним вечером, 20 августа месяца сего года, инкогнито, в скромном дорожном экипаже, в сопровождении профессора словесности г-на В. В. Введенского, прибыла в Одессу графиня А. Рудерская, вдова известного петербургского промышленника г-на А. И. Потоцкого. Графиня остановилась в отеле «Рено», — сообщала местная газетёнка на следующий же день по прибытию в Одессу Агнессы Рудерской.

Остановилась графиня специально близ знаменитого, великолепного одесского театра, построенного по проекту архитектора Тома де Томона, обращённого к морю своим королевским фасадом с классическим портиком и фронтоном.

Театральная площадь являла собой крохотный римский форум: окаймляли её роскошный дом Ришелье, отель «Рено», дом градоначальника, театр, здание думы, открытая колоннада.

Отличительной особенностью Одессы тех времён была жуткая пыль. Вихрями она проносилась вдоль улиц и площадей с солончаковых песков Пересыпи, от большого чумацкого шляха в новороссийских степях. Пылевая завеса в городе порой стояла такая плотная, что невозможно было отличить лиц горожан. Дежурный солдат на гауптвахте на углу Преображенской улицы мог в вихревой мгле перепутать карету генерала, не отличить от экипажа богатого купца и ударить в тревожный колокол. Дамские кринолины раздувались порывами ветра на Соборной площади, будто тканевые колокола или паруса прогулочных лодок.

Довершали городскую идиллию в такие ненастные дни водосточные канавы, вырытые по обе стороны улиц, что несли к морю грязные, дождевые воды и зловонные, пёстрые помои.

Третья чумная эпидемия унесла последних родственников по линии умершего супруга, приютить графиню в Одессе было некому. Дабы стать благосклонно принятой одесским высшим обществом, молодая вдова имела на руках рекомендательные письма к самому генерал-губернатору. Однако, выйти в свет для скорейшего знакомства с влиятельными господами, после стольких лет пребывания за границей оживить все свои влиятельные связи графиня не спешила. Светская красавица, прожившая перед смертью любимого супруга год в Париже, наоборот, постаралась остаться незамеченной как можно дольше. Удалось ей это затворничество недолго. На день по два-три раза следовали настойчивые, навязчивые, назойливые приглашения на балы, званные вечера от дворян, купцов, лично от генерал-губернатора и от его сиятельства князя Н., адъютанта его Величества.

Парадные выходы Агнессы Рудерской в высший свет случатся несколько позже. Чуть позже графиня, разумеется, с благодарностью примет все приглашения, наметит для возможных своих любовных утех самых респектабельных, влиятельных господ города: нескольких женатых кавалеров, толстосумов — вдовцов, закоренелых холостяков, их сыновей и племянников. Вдове шёл двадцать седьмой год. По меркам общества она уже была «в годах». Стать графини Рудерской, античная красота лица и тела, образование и великосветское воспитание, при всем этом, решительный, энергичный характер, способность к авантурным поступкам совершенно скрадывали её и без того молодые её лета.

Грациозная красавица пребывала вне времени и возраста. Ожившая статуя античной богини, аристократка с загадочной, слегка мстительной улыбкой на устах, нашедшая эликсир вечной молодости. Подобными эпитетами награждали графиню не только газетчики. Улыбка её слегка сжатых, бледных губ была именно мстительной. С такой тайной мыслью намеренно прибыла графиня в Одессу. Но её возможная будущая месть пока не адресовалась кому-либо конкретно. Объект для мести ещё предстояло найти.

Два последующих дня, к удивлению постояльцев и завсегдатаев отеля «Рено», вдова провела в одиночестве. В полдень ей передали с нарочным серый почтовый конвертик. Графиня вскрыла, прочитала послание на казённой гербовой бумаге и оживилась. Дело поиска её младшей сестры, кажется, сдвигалось с мёртвой точки. Корявым почерком заштатного чиновника, в ответ на прошение Рудерской, отосланное в Киев ещё из Петербурга, сообщалось: «дело по исчезновению девицы Агнии Рудерской, дворянского сословия, принято к производству следствия...»

Профессор Введенский к исходу третьего дня решился потревожить графиню, пригласил её в ресторан при отеле, но решительная Рудерская приделась в скромное дорожное платье, наняла пролётку, отправилась с провожатым к Практической гавани.

По прихоти непредсказуемой графини в тот ужасный день побывал петербургский дворянин, профессор словесности Введенский в жутком, припортовом кабаке, где не каждый лихой мореман отважится на кружку кислого винца в компании мародеров, грабителей и убийц. Именно в подобном заведении невозмутимой Рудерской назначили встречу. Здесь она и обмолвилась парой словечек с живописным оборванцем в восточных одеждах. После столь кратких переговоров, расстроенная, она сообщила профессору, что в аудиенции с влиятельным, в этих слоях населения Одессы, неким г-ном Али ей отказали, но было предложено в сём ужасном месте, в тот же час дожидаться весточки от другого влиятельного господина, не менее её самой заинтересованного в деле об исчезновении младшей сестры графини. Какой такой весточки ждать, от какого господина, удивлённая загадочным известием, Агнесса Рудерская уточнять у оборванца, разумеется, не стала, набралась храбрости для ожидания в столь чудовищных для дворянки условиях. Жуткий кабак, с низкими, сводчатыми потолками, обшарпанными стенами, провонявший смрадом давно немых тел, нестиранных одежд, потом и мужской мочой, напоминал трюм пиратского судна или корабля работоторговцев с отвязной командой головорезов. За соседним столиком в спину изящной графини дышал мрачный, загорелый до черноты, худощавый грек, скалился в кривой улыбке ртом полным чёрных, гнилых зубов. Напротив, за столом лоснилась от пота чумазая рожа толстяка в драном камзоле офицера допетровской эпохи. Каждый персонаж этого дикого заведения был достоин отдельного описания, за каждой образиной стояла невероятная история безумных приключений, разудалой вольной жизни на торговых судах и смертников на брандерах.¹⁴

На удивление, подвыпившая свора вела себя миролюбиво и весьма дружелюбно. Видимо, команды разорвать в клочья чистеньких господ не поступало. Наоборот, кто-то влиятельный

¹⁴ Брандер — судно, нагруженное легковоспламеняющимися, либо взрывчатыми веществами. Использовалось для тарана, поджога или подрыва вражеского корабля с целью его уничтожения.

сдерживал животные позывы дикого люда. Изредко приотрывался почерневший парчовый занавес, ограждавший общий зал кабака от кабинета для избранных. Некто пристально наблюдал за изящной графиней, находил её бесстрашное поведение достойным уважения. Сама Рудерская пребывала на грани обморока. Взгляд её заплывал. Глаза застилала пелена тумана. Руки дрожали. Но лишь иногда она позволяла себе поднести к носу и рту белоснежный, батистовый платочек, надушенный ароматами восточных специй, дабы не задохнуться от вони и смрада сего чудовищного заведения.

— Простите, графиня, неужель нельзя было в ином каком месте назначить встречу?! — не вытерпел, пролепетал потный от страха, заметно дрожащий Введенский.

— Выходит, что — нельзя! — прервала его гневным шепотом Рудерская. — Местные власти не отказали мне в помощи, но дело на том пока и стоит недвижимо. Единственно, кто откликнулся на мое прошение, это киевский уголовный сыск.

— В эпидемию чумы случилось множество смертей... — промямлил Введенский, тут же примолк, от энергичного и требовательного взмаха руки графини в чёрной перчатке.

— В случае... кончины... — категорично прервала его Рудерская. — Фамилию моей Агнии внесли бы в погребальные списки... в виду знатности её происхождения. Другой какой простолюдин пропал бы без вести, но дворянка?! Никогда! Надеюсь, хоть в этом соблюден был государственный порядок.

Рудерская намеренно понизила голос. В разговоре она с настороженностью обозревала жуткую публику грязной, полутёмной таверны, полуподвального помещения с прокопчёнными сводчатыми потолками, сдерживалась, напрягала лицо, чтобы не морщиться брезгливо от убийственных запахов припортового кабака, вони табачного дыма, ненероком не вызвать на себя озлобление или ненависть пьянствующей компании.

— Другой какой простолюдин, — намеренно жёстким голосом повторилась графиня, — был бы сброшен, безвестным, в отхожую яму, зарыт или сожжён, но Агнию, дворянку, крестницу Его Превосходительства, графа... — Рудерская примолкла, умолчала фамилию знатной особы, приближённой к императорскому двору. — ...должны были похоронить с почестями. Ан нет! Письменных сведений об том нет, милый мой профессор! Ни в одном архиве ничего подобного не обнаружено. И не только в Одессе! Как мне сообщили из канцелярии генерал-губернатора, даже в Киеве о моей сестре нет никаких отметок в отчётах о людях высших сословий, скончавшихся от чумной лихорадки. Стало быть, — она жива! — сделала категоричный вывод графиня. — Пропала или нет, пренебреженно выясню. Вы, кстати, обещали свести меня с учителем Ришельевского лицея господином Вигельбергом? По сведениям, во время эпидемии чумы именно он устроил Агнию медсестрой в военный госпиталь.

— Помилуйте, сударыня, Вигельберг настолько дряхл и стар, что уж второй день отказывает мне в аудиенции.

— Добейтесь, право, вы ж мой кавалер! Мне, слабой женщине, в этом сонмище бродяг, бандитов и убийц одной и шагу не ступить.

— Какой я, право, кавалер, — страдая от своей беспомощности, вяло возразил Введенский, — в этом грязном болоте! В Петербурге и то не всегда добьёшься своих благородных целей, используя все связи в свете.

— Довольно! Прекратите стенать! — сдержанно прервала его стенания гордая и бесстрашная графиня. — Велемир Васильевич, мне так же тошно, страшно, как и вам. Извольте уйти, но я-таки дождусь весточки от некоего господина...

— Господина?! — негромко вскрикнул Введенский и прикусил язык. — В таком-то заведении и — господина? Позвольте?! — шипящим шепотом возмутился он. — Право же, я не настолько трус, чтобы!.. чтобы позорно сбежать, ретироваться. Но сообщите же мне, наконец, что вы ищете в подобном жутком заведении, графиня? Смерти? Грабежа? Насилия?! Извольте, за каждым столиком столько страждущих вашего кошелька и вашей плоти! Простите за бес-

тактность! Но сия истерика, признаюсь, — от страха! Животного страха за свою... и вашу жизнь.

Агнесса Рудерская терпеливо прождала около получасу, более не выдержала тяжкого ожидания, смрада и вони ужасного заведения, немых тел, нестиранных, рваных одежд посетителей. Пред решительным уходом светская красавица широким жестом угостила всю жуткую ораву морских бродяг дюжиной бутылок рома. Весь мрачный подвал с его грязными обитателями проводили великолепную даму сдержанным и восторженным воем. Ни одна тварь даже руки не протянула, чтобы коснуться края её богатых одежд. Введенский трусливо ретировался из кабака первым, мигом взлетел перед Рудерской по ступенькам вверх, бежал прочь из подвала трусливым зайцем.

В полном одиночестве и отчаянии весь следующий день профессор посвятил прогулкам на свежем воздухе по городу. Забрёл он в Ришельевский лицей, передал через канцелярию письменную просьбу к старинному своему знакомому, учителю словесности Вигельбергу, который по причине немощи не пожелал принять его лично.

Графиня в тот день заперлась в номере отеля, увлеклась чтением старых одесских газет, что посыльные приносили ей пачками из городского архива.

К вечеру пятого дня Агнесса Рудерская приоделась в весьма скромное, серое, дорожное платье, облачилась в лиловый капор с капюшоном, скрывающий её примечательное лицо, отправилась в город в сопровождении пожилого, седовласого господина, мрачного, одутловатого, с былыми признаками офицерской выправки в осанке, в потёртом, сером сюртуке преподавателя Ришельевского лицея. Наёмную карету они оставили на Екатерининской улице близ архива при городской библиотеке, сами вошли внутрь.

Сопровождающего звали Версалий Григорьевич Вигельберг. Родня его была происхождением из монархической Франции. Вигельберг откликнулся-таки на просьбу профессора Введенского, самолично пожаловал к графине, чтоб оценить её красоту, ум, решительные намерения в предстоящих поисках пропавшей сестры. Версалий Григорьевич преподавал в примечательном заведении. Лицей славился своей палочной дисциплиной. Воспитанники отличались наущничеством, подхалимством, иной раз откровенным шпионажем. Полковник в отставке, из разорившихся дворян, оставался и в старости ярким представителем, последователем армейской муштры и злословия. Не просьбы и призывы петербургского франта Введенского, каковым помнил Вигельберг столичного профессора по юношеским годам учёбы в Санкт-Петербурге, но настойчивое поручение боевого товарища, тайного советника господина К., побудило-таки армейского сухаря Вигельберга вылезти из своей тёмной каморки при лицее, податься в лакеи к заезжей светской кокошке, репутация и слухи о любовных похождениях которой далеко опережали переезды графини по Европе. Однако, поведение вдовы в Одессе несколько озадачили старого ворчуна и брюзгу Вигельберга. Молчаливая красавица, об авантюризме которой он столько был наслышан, показалась ему холодной, расчётливой, но, главное, со своей мрачной тайной, что делало графиню похожей скорее на сыщика в юбке, нежели на любвеобильную пожирательницу тугих кошельков и мужского здоровья знатных одесситов и сановных приезжих.

Трёхчасовое посещение пыльного городского архива повергло старого вояку Вигельберга в полное уныние. Пока мрачная графиня листала пожелтевшие страницы старых подшивок газет и журналов, изучала светские хроники, криминальные сообщения начала века, Версалий Григорьевич сидел в глубоком, кожаном кресле поодаль, курил трубку, тихо злился на холодную столичную львицу, намечавшую, казалось бы, один точный, но верный прыжок за добычей.

В свои семьдесят с небольшим лет, запечённый временем холостяк, Вигельберг рассчитывал, вероятно, на малую утеху чёрствой души, хотя бы на лёгкий словесный флирт с заезжей петербургской красавицей, с такой потрясающей биографией неуёмной любовницы, уморившей мужа, по слухам, буквально, за год. Мрачный Версалий молчаливо таскался за энергичной

графиней целую неделю по городу, не получив ни слова от неё в благодарность за сопровождение. Профессор Введенский, за свою безграничную преданность, заработал от Рудерской временную отставку, с извинениями в виде коротенькой записочки, переданной с лакеем из отеля «Рено». Профессор сник в отчаянии и унынии, перед отплытием на лекции в Марсель, погрузился в изучение книг и фолиантов в местной библиотеке.

Постепенно, день за днём, отставной вояка Верслий Вигельберг всё же приободрился, приосанился, по мере возрастания надобности прелесной графини в своей особе. Впервые за долгие годы затворнической жизни он побывал в самых невероятных уголках и закоулках родной Одессы. В ресторации Папы-Коста на углу Ришельевской, в подвале на Дерибасовской, где был французский погреб шабских вин Корэ, где нестройными охрипшими голосами пели по-французски про «маленького капрала», про братство народов, про Лизетту, про Бога бедных людей, про чёрных воронов-иезуитов...

По поручению графини посетил Вигельберг и уголок базарной Одессы, где были торговые ряды, и с одной стороны торговали краснорядцы, с другой — бакалейщики, торговцы скотьными товарами, где были книжные и модные лавки. Там же смурные караимы продавали шелка и ювелирные изделия. Версалий Григорьевич встречался с самыми невероятными представителями одесского дна, проходимцами всех мастей, торговцами ворованным и спекулянтами.

В один из пасмурных дней одесской осени, засаленной записочкой, переданной неизвестным с посыльным, чумазым мальчишкой-оборванцем, графине была вновь назначена встреча в припортовой таверне грека Потоппуло. Старый Вигельберг пытался отговорить дерзкую Агнессу Рудерскую от подобных авантюрных встреч, не подходящих светским дамам, но молодая вдова была настроена решительно, оставалась непреклонной в своих смелых и таинственных изысканиях.

Старик Версалий решил, что с него приключений достаточно, до посещения таверны отправился подыскивать себе замену в сопровождающие графини. Но не нашёл. Самолично, прознав про поиски провожатых через вторых лиц, вызвался на сию роль разудалый малый, ротмистр из гусар. Разумеется, не без официального поручения командира эскадрона, по просьбе самого генерал-губернатора обеспечить присмотр за сумасбродной столичной красавицей, графиней Рудерской, для её же блага и безопасности, для разгадки её престранных действий и блужданий по самым значным местам Одессы, совершенно неподходящим даме её сословия и положения.

В тот, последний для отставного полковника раз, пришлось-таки дряхлому вояке Вигельбергу сопроводить дерзкую и храбрую графиню в портовую таверну.

В просторной обеденной зале мрачного кабака за тяжёлыми дубовыми столами развлекалась шумная разношёрстная, грязная публика: матросы с торговых судов, грузчики, мастера.

За отдельным столиком графиня Рудерская и мрачный напряжённый Вигельберг в своих благородных одеждах смотрелись весьма чужеродно и дико, словно чёрные лебеди в свинарнике. Старик Версалий нервно и обеспокоено оглядывался по сторонам, ловил на себе наглые, недружелюбные взгляды гогочущей черни. Невозмутимая графиня сидела напряжённо спокойно, терпеливо дожидалась своего нового провожатого. Трусливый профессор Введенский окончательно ретировался, несколько дней на её повторные письменные просьбы не откликался. Старый, вдруг ставший зримо немощным, Вигельберг явно намеревался сбежать от графини навсегда этим же вечером.

— Помилуйте, сударыня, — в тихом ужасе прошептал Вигельберг, склонился ближе к Рудерской, чтоб, не дай Бог, кто-то из мрачного сброда не услышал его слов. — Как вам в голову могло такое прийти назначить встречу в столь диком месте?

— Назначено не мной, — спокойно ответила графиня. — Нас, Версалий Григорьевич, испытуют на храбрость и выдержку. Скоро явится гонец из гарнизона, он и устроит нам нужную встречу.

В зал таверны, будто по её тихому призыву, в ярком мундире, как попугай на скотный двор, ввалился бравый гусар. Завидев господ среди грязной публики, чеканным шагом подошёл он к столику, щёлкнул каблуками, эффектно звякнул серебряными шпорами, зычным голосом представился красавице графине, совершенно игнорируя Вигельберга.

— Ротмистр Пржездецкий! — гаркнул гусар. — Определён-с, мадам, к вам в сопровождение! — оценив невероятную красоту столичной дворянки, её стать, весьма неучтиво dokonчил представление:

— Чему весьма и весьма рад-с!

Графиня Рудерская сурово нахмурилась, недовольная, таким напористым, беспардонным представлением бравого вояки, явным неуважением к гражданскому лицу, отставному полковнику, коим являлся скромный Вигельберг, осадила кавалериста саркастическим и неожиданным вопросом:

— Простите, ротмистр, как же, в таком случае, зовут вашу лошадь?

— Лошадь?! — удивился ротмистр, на мгновение обескураженный. — Подо мной, мадам, ходит конь! Мой неизменный боевой товарищ и верный друг!

Вовсе не глупый, бравый вояка тут же сообразил, что умница графиня, таким образом, поставила его, что называется, на место. Это обстоятельство лихого гусара нисколько не смутило, наоборот, он, по-военному чётко развернулся к выходу, бросил Рудерской через плечо небрежно:

— Пардон, мадам! Виноват-с! Сей же момент вернусь!

Бравый гусар выбрался из таверны. После некоторой возни на ступенях при входе, тут же вернулся обратно, с грохотом подкованных копыт по деревянным ступенькам ввёл в зал таверны за повод осёдланного коня, гнедого, коричневого окраса с чёрными подпалинами на боках и шее. Провёл смирное животное по узкому проходу между столами ближе к графине. Дикая, невоспитанная публика весьма бурно отреагировала на столь экстравагантную выходку гусара. Не смогла удержаться от снисходительной, но радушной улыбки и графиня.

— Позвольте представить! Боевой друг и верный соратник с самой французской компании. Кличка Фальк! — гаркнул ротмистр. Каким-то особым знаком он заставил умнющее животное мотнуть мордой, будто бы небрежно поклониться, при этом лихо пристукнуть копытом о дощатый пол таверны.

— Что до моей фамилии, мадам, — с достоинством дворянина пояснил ротмистр. — Род мой древнейший, из Куявии. Батюшка — из знатных российских графьёв. Да-с!

— Простите, Бога ради, за мой вопрос о вашей лошади... — благосклонно улыбнулась графиня, тут же исправилась:

— Прошу прощения, о коне, о вашем Фальке... Да-да, и фамилия мне ваша давным-давно известна, старинная, дворянская, польская...

— Потому и в кавалергардах, — отшутился ротмистр, — что фамилия лошадиная, но — графская. К вашим услугам, мадам. Ротмистр Пржездецкий! — вновь представился бравый вояка.

В этой весёлой суматохе таверны конь Фальк топтался в узком проходе, как слон в посудной лавке, грохотал подкованными копытами, мотал чёрным хвостом, задевал столики кругом. Посетители оставались на местах, под одобрительный гогот и восклицания, были вынуждены придерживать столы, кружки, стаканы и чарки, чтоб не расплескалось вино и прочее горячительное. Ротмистр едва приметно кивнул оборванцу с медной серьгой в ухе, похожему на пирата в грязной косынке. Тот покинул стойку бара, где попивал винцо, проскользнул мимо ротмистра, получил от него из руки в руку серебряную монету, только тогда, выложил на сто-

лик перед графинею тряпичный свёрток. Пользуясь общей сутолокой, оборванец спешно покинул таверну.

Графиня тут только по достоинству оценила разыгранный лихим гусаром, со всей возможной секретностью, грандиозный спектакль и тайную операцию, мгновенно накрыла грязный свёрток своим белоснежным батистовым платком. Предовольный ротмистр впервые заметил расшитую золотом монограмму в виде солнышка и затейливо переплетённых букв «Р» и сдвоенных «АА».

За «чистой» публикой в столь затрапезном жутком помещении давно наблюдала с дальнего углового столика своеобразная и колоритная личность — мавр, с тёмным ликом уроженца Египта. На голове его была накручена сутаной роскошная белая шаль. С избытком дополняли облик величественной личности Востока богатая, красная, суконная, расшитая золотом куртка, короткие шаровары, подвязанные вместо пояса богатым турецким платом, из складок которого торчали накрест рукояти кремниевых пистолетов.

Когда ускользнул из таверны оборванец с медной серьгой в ухе, мавр повёл головой в сторону выхода. Тут же, за ушедшим выскользнул мрачный тип, в аккуратном тёмном сюртуке из недешёвого сукна, что разительно отличало его от потасканных завсегдатаев припортового заведения.

В этот же момент из-под стола ужом выползла грязная ручонка подростка или карлика, попыталась стащить свёрток, укрытый платком графини. Рудерская вскрикнула от испуга, откинулась прямой, напряжённой спиной к спинке стула. Бравый ротмистр не растерялся, мгновенно среагировал, придавил коленом ботфорты пухлую грязную ручонку к краю тяжёлого дубового стола. Послышался визг существа под столом. Суровый мавр с готовностью возложил смуглую руку на рукоять пистолета. Ротмистр навёл один из своих пистолетов на мавра, с другого выстрелил в потолок. На соседние столы обрушилась с дощатого потолка древесная труха.

Конь Фальк, привыкший к пальбе в сражениях, всё же шарахнулся от грохота близкого выстрела, завалил крупом ближний стол со скудными яствами и выпивкой. Два взбешённых матроса вскочили с табуретов. Один выхватил нож, размером с тесак для рубки мяса.

На грохот выстрела в таверну вбежал жандарм, заранее предупреждённый о возможном инциденте, с двумя вооружёнными корнетами — подручными гусара.

— Сидеть усем! — громогласно гаркнул жандарм. — Кто устанет, стрелять будем!

— Господа грабители, воры и убийцы! — насмешливо и громогласно обратился ротмистр к завсегдатаям таверны. — А также храбрые матросы, честные биндюжники и прочие граждане Одессы. Прошу вести себя достойно, документы проверять никто не станет. Надобно увести из этой помойной ямы заезжую благородную даму, — он галантно подал руку графине, как бы исправился, иронично извиняясь перед грозным сбродом. — Вместо ресторации она по ошибке забрела в столь почтенное питейное заведение.

Пороховая завеса после выстрела едва развеялась, повисла сизыми клочьями под сводами кабака и над столами. По залу таверны прошла волна недовольного ропота, возгласов, хриплых смешков воинственной публики, что настроена была, впрочем, весьма враждебно. Разрядила ситуацию сама графиня. Широким жестом она швырнула на стол несколько бумажных ассигнаций, одновременно убирая вместе со своим платком злополучную грязную тряпицу тайного свёртка, громко крикнула, срываясь на волнительный фальцет:

— Господа!.. Господа, всем грога, эля, рома... Ах, чёрт подери, что там ещё найдётся у вас в подвалах из горячительного, трактирщик?! Всё тащите! За мой счёт! На все столы!

Таверна ответила ей восторженным воем и одобрительным гоготом. Мрачный мавр добродушно усмехнулся. Ротмистр козырнул в его сторону с ожиданием, мол, конфликт улажен? Величественный мавр слегка склонил голову в знак временного перемирия.

Через пустырь, в направлении Карантинной гавани спешно шагал оборванец с медной серьгой в ухе. В некотором отдалении за ним, не скрываясь, следовал молодой, крепкий парень в тёмном сюртуке филёра¹⁵. Из-за спины парня выскользнул, то ли карлик, то ли подросток в лохмотьях, столь малого роста, что голова его мелькала на уровне верхушек кустарника и бурелома. Он отбежал в сторону, через несколько метров исчез, словно растворился в низко-рослой растительности.

Оборванец с серьгой оглянулся, заметил преследование, ускорил шаг, с ходу спрыгнул с сыпучего обрыва на песчаный берег.

Парень в тёмном сюртуке остановился на краю утёса, с кривой усмешкой наблюдал, как оборванец бросился в седые волны, умело, энергично, размашисто вскидывая руки над кровавыми волнами, сверкающими под заходящими лучами солнца, поплыл в сторону гавани. Рядом с отважным пловцом с жутким чмоканием вонзались, входили в воду тяжёлые арбалетные стрелы с чёрным оперением. Одна из стрел вонзилась пловцу в плечо. Оборванец содрогнулся. Голова его скрылась в волнах, затем возникла на поверхности вновь. Он упорно продолжил грести одной рукой в направлении противоположного берега залива. Вскоре стрелы перестали доставать пловца, входя в воду позади него.

На вершине утёса продолжал стоять парень в тёмном сюртуке, пристально наблюдал, в какую именно сторону уплывал раненый оборванец, с торчащей в плече стрелой, как маячком с чёрным оперением.

На обрывистом склоне утёса, ниже наблюдателя, будто развёрзся на мгновение пещерный вход от взмаха крыльев чёрного парусинового плаща. В глубине расщелины исчез некто в чёрном. Наружу из расщелины выполз взлохмаченный карлик в лохмотьях, судорожно пополз на четвереньках вверх по сыпучему склону.

Как только его взлохмаченная голова показалась у щетины пересохшей травы, парень в сюртуке небрежно столкнул его в плечо сапогом обратно. Карлик сполз вместе с осыпью грунта, кубарем покатился вниз. Поднялся на кривые ножки, отряхнулся, как ни в чём не бывало, шустро побежал по мокрому песку вдоль моря в сторону гавани, куда, вероятно, мог уплыть раненый беглец.

Карета графини остановилась перед отелем «Рено», что фасадом выходил к площади с одесским оперным театром. Спрыгнул с коня сопровождавший её ротмистр. Опережая слугу в ливрее, пока тот медлительно и вальяжно сползал с задворок кареты, ротмистр открыл перед графиней дверцу кареты, сбросил откидные ступеньки, с шутливым полупоклоном подал ей руку. На прощание, бойко прищёлкнул каблуками, звякнул шпорами, козырнул графине. Агнесса Рудерская не ответила на бравладу гусара, подождала, пока выберется из кареты, с кряхтением и бормотанием пожилого человека, Версалий Вигельберг. Лишь тогда обратилась к ротмистру, не без иронии и лукавства в голосе:

— Не зайдёт ли мой славный герой взглянуть на тайное послание, что передали нам с такими трудностями?

Ротмистр с готовностью отвечал графине столь же иронично:

— Вам ещё столько тёмных шарад предстоит разгадать, мадам, в столь безнадёжном деле!

— Вот-вот, и я о том же, — проворчал с недовольством Вигельберг. — Смертельные забавы, чудовищные шарады... Ради чего-с? Не понимаю. Дела давно минувших дней.

— Завсегда к вашим услугам, мадам, — продолжил бравый ротмистр. — Что для вояки в стойле гарнизонной скуки может быть занятней безнадёжных забав и дел с такой прелестной и очаровательной дамой, как вы-с?!

¹⁵ Филёр — сыщик, агент Охранного отделения или уголовной сыскной полиции.

— Довольно! — вяло прервала Рудерская. — Довольно грубых комплементов, ротмистр. Поиски моей сестры вы считаете забавами и безнадежным делом?

— Так точно-с! Считаю! — смело отвечал Пржездецкий.

Из-за кареты неожиданно вышел профессор Введенский, который, похоже, весь вечер поджидал приезда графини обратно в отель.

— Рад вас приветствовать, сударыня. Два года!.. — с сочувствием воскликнул профессор, услышав реплики обоих. — Два года минуло с тех пор, как исчезла ваша сестра...

— И что с того?! — с недовольством воскликнула Рудерская, обернувшись к Введенскому. — Не верю в бесследную гибель Агнии от чумы! Не верю!

— Ваше право, сударыня, — смиренно согласился профессор, нерешительно добавил:

— Но я, однако, изрядно подзадержался. Простите великодушно, пора мне покинуть вас. Пришёл попрощаться. Завтра по утру отплываю рейсом на Марсель.

— Прощайте! — нервно и беспощадно ответила графиня. — И вас, уважаемый Версалий Григорьевич, более не задержу, — обратилась она к отставному полковнику Вигельбергу, подавая руку в перчатке для прощального поцелуя. — Благодарю вас за поддержку в столь трудное для меня время. Но завтра... завтра всё же прошу вас посвятить мне ещё несколько ваших драгоценных часов, быть может даже, один час, не более... Так не хватает мне мужской поддержки.

Графиня лукаво взглянула в сторону ротмистра. Старый Вигельберг воспринял это, как лёгкий укол самолюбию, проигнорировал протянутую руку графини, с мрачным видом почтительно склонил голову, прощаясь, безмолвно удалился. Рудерская обернулась к ротмистру.

— Пройдёмте же в мой номер, бравоый кавалергард. Понадобится ваша помощь и совет.

Гусар в это время отвлёкся на крупного, плечистого мужчину в сером сюртуке, что явно наблюдал за их компанией из-за угла отеля.

— Ещё один франтёр нарисовался! — с невольством проворчал Пржездецкий, пояснил графине:

— Много же, мадам, по вашей душе интереса. Пардон-с, вы сказали что-то? Не расслышал.

Не скрывая раздражения от своей чёрствости после расставания с двумя пожилыми господами, кои оказали ей немало услуг, не делая повторного предложения ротмистру, графиня решительно прошла мимо дверей отеля, услужливо распахнутых перед ней швейцаром, в золотых позументах и великолепном мундире, достойным по красоте и ладности крою мундира самого генерал-губернатора.

— Особых благодарностей, впрочем, не ждал-с, — с разочарованием и тоской в голосе пробормотал профессор Введенский, уничтоженный, оскорблённый непочтительным, пренебрежительным обхождением неблагодарной светской кокетки.

— Слыхал, профессор, — шутиливо обратился к нему ротмистр, — отправляетесь грозную Буанарту навестить на острове святой Елены? Пардонте-с! Привет передавайте и... пните в зад французскую скотину!

Измученный ротмистр осёкся, примолк при виде испуганного лица профессора. У Введенского исказилось гримасой ужаса лицо, невольно оглянулся он с опаской по сторонам. Оглянулся и ротмистр, пытаясь понять, что же так напугало профессора, при этом гусар отметил, что соглядатая в сером сюртуке за углом отеля уже не оказалось.

— Откуда вам известно, сударь, про мой вояж? — испуганно прошептал профессор.

— Что-с? Что, пардонте-с? — переспросил ротмистр, не совсем правильно оценив испуг аристократа.

— О Бонапарте... — пролепетал профессор умирающим голосом астматика. — Да-да, устроить мне хотели встречу с поверженным диктатором, деспотом, но... — оправдываясь, пояснил:

— Но это, право, в целях мемуаров, для истории...

Ротмистр, наконец, сообразил, обрадовался, что невольно уличил профессора в тайном вояже, громко расхохотался предовольный, панибратски похлопал Введенского по плечу, подбодрил:

— Ну-ну, любезный, расслабьтесь, право. Доносов не писал, да и писать не стану. Но пару пистолетов вам бы дал, чтоб пулю сему узурпатору и недобитку в лоб пустить наверняка!

Пока обескураженный и подавленный, профессор нервно отмахивался обеими руками от диких предложений гусара, Пржездецкий, не прощаясь, решительно направился в отель, передавая повод своего коня швейцару перед входом. Опечаленный, одинокий Введенский поплёлся шаркающей, стариковской походкой прочь. Профессор навсегда покидал близкий ему по духу город, город свободной торговли, пристанище бродяг, писателей и поэтов. В Афинах Введенский был снят с корабля в виду бессознательного состояния, вызванного апоплексическим ударом. Скончался Велемир Васильевич в тот же вечер. Бренное тело его нашло вечный покой на военном кладбище в Солониках.

Почин

Тяжёлая, дубовая, в резных лепестках лилий, дверь номера отеля, где остановилась графиня, была приоткрыта. Ротмистр хмыкнул, браво поддёрнул завитой ус, понимая, что неприступная Агнесса Рудерская флиртует с ним, хотя исключительно по надобности его использования в своих тайных и корыстных целях. Ротмистр постучался, но получил ответ не сразу. Лишь на повторный стук рукоятью пистолета графиня откликнулась:

— Это вы, ротмистр? Войдите.

Задумчивая и отрешённая, Рудерская сидела перед столиком.

На полированной столешнице, инкрустированной мозаикой дорогих сортов дерева, на развёрнутом белоснежном платке графини лежала грязная тряпица свёртка, что передали ей в таверне.

Ротмистр вошёл в номер, претворил за собой дверь до щелчка запора, заметил сверток на столе, пробормотал с уважением:

— Мадам, я продолжаю вами восхищаться.

— О чём вы? Проходите.

— Любопытство — черта всех женщин, мадам. Но к вам и это не относится.

Ротмистр кивнул на сверток, присел к столу, придерживая ножны с саблей, что свисали с наплечья и бряцали то о край кресла, то о ножку стола. Графиня продолжала задумчиво созерцать грязную тряпицу свёртка, словно пытаясь угадать его содержимое, неожиданно призналась:

— Вторую неделю в Одессе и... с каждым днём мне всё более становится не по себе. Мое бесстрашие, смелость и надежды тают, как снег под жарким солнцем. Этот город полон мистики и зловещих тайн. Света и тьмы. Помпезные приёмы и балы дворян, купцов и прочей... знати, и рядом -жуткий мир, который мне не ведом, мир черни, грабителей, бродяг, убийц и мародеров.

— Прекрасную картину обрисовали вы, мадам, — согласился ротмистр. — В каменном мешке Санкт-Петербурга что ж, иначе дело обстоит? Чёрнь и знать — суть одного и того же мира. А свет и тьма? Одно в одно переходяще...

— А вы — философ, как я погляжу? — приятно удивилась графиня.

Ротмистр добродушно усмехнулся, огляделся в богатых покоех, взглянул на грязный сверток, не понимая, почему графиня медлит, не разворачивает послание.

— Говорят, под Одессой распростёрся чёрным пауком огромный город пещер, лазов, ходов и каменных мешков? — спросила Рудерская.

— Говорят. Но мне сие не ведомо, — ответил ротмистр и пошутил:

— Так низко я ещё не опускался. Гарнизон, служба, парадировки и муштра. Тут на амурные дела, мадам, совсем не остаётся времени, — о свертке нетерпеливо добавил:

— Будем вскрывать сие ужасное послание?

Графиня убрала руки в тонких перчатках со стола, словно опасаясь прикоснуться к вещице, вымаранной нечистотами, размышляя, негромко сказала:

— Что, собственно, может быть в этом свертке? Как это может связано с моей сестрой?

— А что... или кого вы ищете, мадам?

— Людей, возможно, причастных к пропаже сестры.

— Одесса — столь малое поселение, — иронично заметил ротмистр. — Изысканная знать — вся на виду. Торговцы, господа купцы на том же видном свете. Остались мастера возможных тёмных дел, что за кулисами сей жизни выступают, а, может, и на открытой сцене имеют действо... Всего живущих в городе тыщ тридцать ныне. Да и приезжих тысяча туда — обратно. Кого ж искать, мадам? Все на виду. Военные не в счёт.

— Да вы поэт, мсье Пржездецкий! — оживилась Рудерская. — Так лихо в рифму говорите под Шекспира.

Ротмистр небрежно поморщился, недовольный обращением «мсье», в ироничный тон графини ответил:

— Зовите званием моим, и то приятней будет, чем «мусью», которую бивали под Смоленском мы с Давыдовым. Сей боевой генерал, кстати, нынче не у дел. Да и в опале! Герой войны! В опале?! Это ли не вздор?! Интриги господ придворных, дворцовых лизоблюдов, услужливых рабов и светской черни! — отмахнулся с недовольством, имея в виду свёрток, решительно довершил свою речь:

— Вскрываю.

Ротмистр протянул руку к свертку, но графиня вскрикнула:

— Пойдите! Вдруг там яд или отравы? Графиню Де Лакруа пытались отравить в Париже ядом на её одежде!

— Что за бред, мадам?! — весело воскликнул ротмистр. — Дурных романов начитались?! Великодушно извините, но это лишь портовая Одесса. За рупь серебряный мамашу продадут. Тот малый, с медною серьгой, вы помните, в трактире, — контрабандист отменный, на ялике в туретчину ходил. Коли не брешет... — и пояснил в прозе для столичной дворянки:

— Ялик, мадам, отменный шлюп под парусом, — и продолжил высоким поэтическим «штилем»:

— В таком от судна до берега добраться мудрено. А уж грести в Константинополь и обратно?! Это ли не подвиг?! Так вот, по его словам, в тряпице сей (*о свертке*) останки девушек, что сгнули в тех самых подземельях, о коих вы в таверне помянули.

Ротмистр примолк, сам понял, что слишком увлёкся неуместной бравадой и поэтическим живописанием, да и к тому же лицо графини искажилось ужасом и отвращением.

— Да не останки в виде плоти, мадам, а малые вещицы, пустяшные безделицы: пуговицы, крючочки да шпильки разные, — терпеливо пояснил Пржездецкий. — Что там в вас, мадам, ещё имеется внутри... Пардон, не в вас, конечно, а в женщинах иных начинено с избытком. Быть может, что-то вам покажется знакомым.

При этих словах ротмистр, не снимая кожаных перчаток, решительно развязал узелок, развернул грязную тряпицу. Пред взглядом изумлённой графини предстала коллекция незначительных дамских мелочей. Почти всё, как и говаривал ротмистр: цветные пуговицы разного размера, — от кофточек, от платьев, — крючочки от корсетов, блузок и белья, шпильки, заколки, две брошки, впрочем, совсем не дорогие. Такое могли носить служанки, простолюдинки. Тряпица хранила и многое другое, чего описывать не стоит. Даме или девушке знатного происхождения подобные мелкие вещицы никак не могли принадлежать. Сам ротмистр, похоже, это понял, а, может, знал заранее. С абсолютно непроницаемым видом вздохнул, испытующе глянул на графиню, пытаясь понять, насколько сильно остаётся её желание добраться до истины, спросил:

— Вы впрямь, мадам, намерены пойти ва-банк? В том смысле, что найти людей, причастных к похищению или пропаже сестры своей?

— Я поняла, — задумчиво ответила Рудерская. — Картина вся ясна мне в целом. Спасибо, надоумили.

— Суть дела такова: откуда вещицы эти?! Вот в чём, мадам, интрига. Взломал тот лиходеи подвал один, чужой, где разные другие вещи сохранились. И мелочи такие собирал не он, — сынок его малой, подельник. Тому играть ещё в бирюльки. Годков пятнадцать от роду ему, да и умом, того... — ротмистр покрутил пальцем в перчатке у виска, — ...не очень-то силен. Вот мне за картами пройдох сей поведал о вещицах сих, когда узнал, что ищите сестру вы...

— Играть вы в карты с такими жуткими людьми садитесь? — воскликнула в ужасе Рудерская.

— А что ж? Бывало-с и не такое! — беспечно ответил ротмистр, откланялся, окончив свой сеанс поэтического сказа. — За сим прощаюсь с вами, графиня, до завтра. Служба-с!

Ранним утром следующего дня, не дожидаясь ни Вигельберга, ни бравого ротмистра, неуёмная графиня отправилась на прогулку в пролётке, запряжённой шустрой лошадёнкой, решила прокатиться по городу, проветриться. Грозный, грузный возница, плечистый, борода-тый дядька малоросс, после смелых и безрассудных расспросов графини о местных господах, их прислужниках в «тёмных» делах, сурово нахмурился, подёргал ватными плечищами, мол, ничего такого не знаю, не ведаю. После полученного вознаграждения в рубль серебром, оставились они у ряда живописных, в цветастом тряпье попрошайек и нищих, что расположились вдоль стены кладбища.

Графиня Рудерская по-прежнему оставалась в тёмных траурных одеждах, но в кокетливой чёрной шляпке с вуалькой, скрывающей её прекрасные глаза настороженной газели. Бородач-возница подал графине малоприметный знак, кивнул в сторону нищего в солдатской грязной шинели, что стоял на проезжей части, отдельно от прочих попрошайек, расперевшись, будто подпорками, двумя костылями. Возница негромко, в бороду проворчал:

— Никишкой звать. Флотский малый. Бывший матросик.

Графиня призывно махнула нищему рукой. Тот неторопливо, с достоинством проковылял к пролётке. Близо подходить не стал, завыл, будто юродивый или блаженный:

— Пода-а-айте, барыня, копеечку!

— Без придури никак нельзя, Никишка?! — строго заявила Рудерская. — Указали на вас, любезный. Извольте подойти. Рубль серебром, коли дело скажешь, да и толк в том будет.

— Эт кто ж продал с кишками бедного Никишку заезжей барыньке?! — неожиданно злобно возмутился оборвыш-солдатик.

— Кто ни продал, от тех столь не получишь, — ответила графиня.

— Уж не ты ль, Устин, грязный язык свой распустил? — обратился нищий к бородатому вознице. — Гляди, подрежут!

— Скаж тоже! — вполне искренне возмутился бородач. — Господ возим, своих не продаём! — и намеренно развернулся боком на козлах, отвернулся спиной и от графини, и от злобного оборвыша Никишки.

— Откуда ж, барынька, имячко-то мое знаите? — не успокаивался подозрительный нищий.

— Кто имя подсказал, так уж лучше тебе не знать. Поди ж поближе, сглазить не сглажу, награду получишь.

Нищий, как бы нехотя, подковылял на костылях к пролётке, с опаской, исподлобья поглядывал на внушительного бородача с кнутом. Возница с невозмутимым видом удерживал вожжи, вмешиваться в разговор не собирался.

— Говаривают, служил ты, Никишка, на флоте! — начала свой хитрый расспрос графиня.

Нищий преобразился, горделиво выпятил хилую грудь, ответил неохотно:

— Бывало и такое, — хвастливо добавил:

— Хаживали к туркам, к бусурманам разным. По морям, по окиянам.

— Служил на флоте, но шинель солдатскую таскаешь, — иронично заметила графиня.

— Чего надоть, барынька?! — с неприязнью отозвался Никишка. — Говори по делу или ходи прочь без дела!

— Говорят, служил ты подручным купца Морали на торговом судне во времена французской компании, — понизила голос Рудерская, провоцировала, хотя понятия не имела, где служил нищий, но своим тихим, вкрадчивым голосом давая понять Никишке, что секрет останется между ними.

Нищий с опаской оглянулся по сторонам, вдруг резво крутанулся, развернулся на костылях в сторону своей разношерстной, нищей братии, громко и категорично заявил:

— Знать не знаю, ведать не ведаю!

Графиня нахмурилась раздражительно, небрежно швырнула Никишке под ноги горсть медяков, строго предупредила:

— Надумаешь, нужное слово сказать, найдёшь, как передать и рубль заработать.

Расстроенная неудачной встречей, Рудерская тронула рукой в перчатке спину возницы. Устин нервно дёрнул вожжами. Послушная лошадёнка тут же легко покатила пролётку прочь, погромыхивая деревянными ободами колёс по булыжной мостовой.

На звон мелочи кинулись было от стены другие нищие да убогие. Никишка грозно замахнулся тяжёлыми костылями, как крыльями, давая понять, кто здесь главный, громко завопил, чтоб услышала его воинственный голос и красивая барынька:

— Вот уж получите у меня! Хребет усем переломаю!

Безропотные оборванцы вновь расселись вдоль стены. Никишка встал накарачки, пополз по булыжной мостовой, выковыривая медяки из щелей между булыжниками.

— Зачем вам это надобно, барыня? — возница на ходу обернулся к графине.

— Что именно? — уточнила Рудерская.

— Не по вашей чести с нищими-то болтать. Послали бы кого... Неровён час ограбить могут или, того хуже, сначильничать да жизни лишить. У нас тутачи всё запросто случается. Жизнь — игрушка, да стоит полушку. Сам за пазухой заряженный пистоль таскаю. На всякий какой случай! А вы рублями-то не кидайтесь, медяков нашему брату достаточно.

Хмурая Рудерская не ответила. Она и сама прекрасно понимала: не женское это занятие таскаться по грязным портовым тавернам да кабакам, якшаться с бандитами, нищими и оборванцами. Но иного выхода в своих исканиях она пока не находила. Провоцировала своими действиями грязную публику, вводила в недоумение чистую. А там, гляди, и само-собой выплывет какое важное известие о пропавшей младшей сестре.

Близ оперного театра пролётка остановилась. Графиня сунула в мужскую натруженную ладонь возницы второй, честно заработанный серебряный рубль. На удивлённое и удручённое покачивание головой простецкого и грубоватого мужика в благодарность за заботу, Рудерская задумчиво молвила:

— Спасибо тебе, Устин. Как по батюшке величать-то?

— Никифора сын, — ответил угрюмый возница.

— Никифорович... Выходит, некому о нас беспокоиться, Устин Никифорович, на этом свете. Одни-оденёшеньки мы с Агнеей моей жизнь бедовали. Теперь вот Господь без сестры меня оставил. Не верю, что прибрал, потому и...

Графиня спохватилась, разговорилась слишком доверительно с простым мужиком, сошла с пролётки, побрела в сторону отеля. Возница на прощание перекрестил графиню во след рукой с зажатым кнутом.

Полковника в отставке Вигельберга после всех походов по жутким задворкам Одессы по ночам трясло от страха и переживаний за собственную жизнь. Старый вояка тоже носил за поясом заряженный пистолет, да и сам держался достойно, хотя и пил поздними вечерами в одиночестве капли для успокоения нервов и сердечных коликов.

В полдень следующего дня Вигельберг, по сложившейся малой традиции последних дней, по записочке от графини, не прочитанной им впопыхах, явился в отель для сопровождения Рудерской в пошивочные мастерские на Малой Арнаутской улице, для очередного «полезного» знакомства с неким вездесущим пройдохой, закупщиком тканей, купчишкой Липскером. Но у порога своего номера графиня несколько сухо поблагодарила старого вояку за

оказанное ей внимание и заботу, позволила поцеловать узкую, холодную руку, не предложила даже чашки чая на прощание, замерла в ожидании его скорейшего ухода.

Стальная холодность неблагодарной красавицы при явном расставании нисколько бы не расстроила старика Вигельберга, но следом за ним в номер ввалился без стука бравый ротмистр. Будто красногрудый кенар, в расписном гусарском мундире, с лошадиным ржанием заместо смеха, ротмистр доложил громким каркающим голосом, что карета ждет-с, нагло уселся на канаве при входе, воображая себя отныне единственным «боди-гардом» великолепного тела графини. Мало того, на беспардонное ржание вояки через приоткрытую дверь номера графини заглянул, а затем вошёл купец Первой гильдии, дородный, благородного вида грек, со львиной шевелюрой, известный всей Одессе господин Морали. Нисколько не смутившись присутствия посторонних мужчин, он лишь спросил графиню, надолго ли та намерена покинуть Одессу и когда рассчитывает вернуться. Морали ненавязчиво обозначил таким образом, что имеет на благородную петербурженку некоторые планы.

Спокойная, сдержанная, хотя и напряжённая, как тетива лука перед выстрелом, надменная графиня выставила из номера сначала бравого ротмистра, попросила его подождать внизу. Затем культурно выпроводила за дверь купца Морали, извинилась, что не должным образом приняла его нынче. Наконец, тронула за плечо растерянного Вигельберга, протянула ему свой батистовый платок, чтобы старик промокнул повлажневшие глаза. Тут только отставной вояка почувствовал, что щёки его, впервые, быть может, за двадцать лет суровой холостяцкой жизни, отсырели от собственных слёз. На мраморном лице графини не отразилось ни капли сочувствия или сожаления, наоборот, лишь промелькнуло в тонкой улыбке её бледных губ презрение к жалкой и немощной старости.

Вигельберг заметил в кружевных складках платка вензель графини с золотистым нитяным солнышком и затейливо переплетёнными буквами «Р» и двойной «АА» и... потерял сознание. У старика подкосились колени. Он прохрипел нечто невразумительное:

— Это ваш... ваш, сударыня, фамильный вензель? — и рухнул прямо на пороге номера.

На грохот падения заглянул снова в номер дородный Морали, бесстрастно взглянул на бездыханное, распростёртое на полу тело отставного полковника, презрительно поморщился и глухо проворчал:

— А как же записка, сударыня, посетить нынче вас?

— Ах! — вскрикнула Рудерская. — Помогите же! Не видите, — человеку плохо!

Купец даже не склонился к лежащему Вигельбергу, ещё раз недовольно, с презрением поморщился, вышел из номера, буркнув на прощание:

— Сию минуту кого-нибудь пришлю.

Версалий Григорьевич Вигельберг отошёл в мир иной тем же вечером от сердечной недостаточности на диване своей тесной, тёмной комнатёнки при лицее, больше похожей на узкий пенал или чулан для хранения ненужных вещей.

Для сгущения тёмных красок столь мрачной истории, для пушей трагедии неожиданной кончины незначительного, казалось бы, персонажа — отставного полковника, можно было бы, наверное, добавить, что скончался старый Вигельберг в полном одиночестве. Ан, нет, непредсказуемая в своих поступках, графиня Рудерская отложила поездку в загородное предместье Одессы. Привезла беспомощного старика в его тесную каморку в сопровождении горбатого лекаря и бравого ротмистра, немало расстроенного отменой увлекательного, загородного вояжа, помрачневшего, хотя и восторженного самоотверженным поступком необыкновенной женщины.

Агнесса Рудерская безмолвно просидела пред убогим смертным ложем до позднего вечера, будто бы не собираясь уходить вовсе, погружённая в свои тяжкие думы, словно наме-

ренно дожидаясь, что именно старый Вигельберг представит ей знак или ключ ко всем её изысканиям последнего года. В особенности, последних, текущих дней.

Графиня будто бы знала заранее, что после очередного кровопускания, умирающий тяжело приоткроет замутнённые смертной тоской глаза и прохрипит:

— Что до вашей сестры, юной Агнии, сударыня... известий о её судьбе до сей поры никаких не случилось. О смерти, так же точных сведений не имеется. Там... платочек... прошу вас... подайте шкатулочку... — и старик дрожащим, корявым пальцем укажет на деревянный пенал, стоящий на широком подоконнике низкого оконца в косом холодном свете умирающей луны.

Сей старинный предмет представлял собой примечательную вещицу, выполненную в виде египетского саркофага, с блеклой цветной росписью образов египетских божеств по каждой из сторон. И, казалось, сам излучал слабый, мерцающий, желтоватый свет.

Ото всей этой мрачной атмосферы затхлого смертного приюта ротмистр загрустил, ругнулся негромко, когда подавал старику шершавый пенал, так вещь была похожа на крохотный гроб. Неуклюжий в столь стеснённых обстоятельствах, бравый вояка, при каждом своём маневре в узком, сумрачном пространстве комнатёнки то ментиком¹⁶, накинутым на плечо, то висящей на боку ташкой¹⁷ или ножнами сабли, — задевал, сбивал какой-либо предмет мебели или убогого убранства, будь то пыльный фолиант или деревянная тренога с цепью для астролябии¹⁸. Графиня при громких звуках вздрагивала, возмущённо выпрямлялась. Ротмистр извинялся, но при каждом своём следующем движении продолжал вновь производить неуместный шум.

Дрожащими пальцами Вигельберг провёл по боковинке пенала. С лёгким щелчком запора откинул крышечку, извлёк комочек дамского платка с таким же точно примечательным вензелем солнышком и буквами, как и на платке, что протянула ему графиня в гостиничном номере перед расставанием. На бесстрастном лице Рудерской, при виде этого батистового комочка, вдруг отразилась буря эмоций. Она застонала как от боли во всём теле, разрыдалась надрывно, по-бабьи, нисколько не сдерживаясь и не смущаясь присутствия мужчин.

Ротмистр замер от внезапной перемены в поведении невозмутимой графини, не понимая происходящего. Умирающий Вигельберг смежил жёлтые веки и больше не открывал их никогда, хотя бескровные губы его шевелились ещё некоторое время. Эти последние мгновения жизни старика громким жестяным стуком отсчитывали французские ходики на стене.

— Откуда это у вас? — прошептала графиня, слегка успокоившись, но, всё ещё дрожа всем телом, наклонилась к умирающему.

— Сын... — прошелестел Вигельберг, тихо и глубоко выдохнул в последний раз, как захрипел в предсмертном расставании с жизнью.

— Отошёл, — тихо молвил лекарь, придержал запястье жёлтой, сухой руки почившего, аккуратно положил рядом с бездыханным телом, облачённым в потёртый лицейский сюртук мышинного цвета.

— Сын? — переспросила графиня, но Вигельберг уже ничего не ответил. — Его сын?

Она обернулась, но из-за сумрака, и обильных, горячих слёз, переполнявших её глаза, и единственной тлеющей трепетным огоньком на подоконнике сальной свечи, никого в глубине чёрного пенала комнаты не увидела.

¹⁶ Ментик — короткая куртка, обшитая мехом, с пуговицами в несколько рядов, со шнурами-бранденбурами и петлями. В зимнее время надевалась поверх доломана, в летнее время носилась наброшенной через левое плечо, от сваливания удерживалась шнуром.

¹⁷ Ташка — планшетка с вензелем государя-императора.

¹⁸ Астрономический прибор для определения высоты небесных тел.

— Был, да-с, — хрипло отозвался в темноте от входной двери, притихший на скрипучем кресле ротмистр. — Сынок его. Знавал-с. Корнет Вольский. Чудесный малый. Умер от чумной лихорадки.

— Почему фамилия Вольский, если корнет был его сыном? — пролепетала с недоумением Рудерская. — Вольский, а не Вигельберг?

— Приёмный. Да-с, — пояснил шёпотом ротмистр.

Графиня сжимала в кулачках оба платка с одинаковой вышивкой и беззвучно плакала.

— Сударыня, — ротмистр отважился, наконец, потревожить в её неподдельном горе, подошёл, почтительно склонился над ней, — стоит ли так убиваться? Старость...

Графиня промокнула мокрые глаза своим платочком, расправила на коленях другой платок с бурыми, запёкшимися пятнами. Ротмистр с удивлением взглянул на золотистую вышивку платка с коричневыми пятнами, явно высохшей крови, помотал в непонимании головой, брезгливо поморщился.

— Старик забрал чумной платок с груди умершего сына?! Не опасен ли, сударыня, сей предмет?

Увидев и на втором платке одинаковую вышивку, ротмистр прогудел удивлённо:

— Корнет Вольский был влюблён в вас?

— Платок моей сестры, — прошептала графиня.

— Сестры?! Агния была вашей сестрой?! — удивился ротмистр, растерянно пробормотал:

— Однако! Не знал-с. Не знал-с. Иль не расслышал ваших слов. Какой болван-с! Пардон!

— Вы знали её?! — вскрикнула графиня.

— Не то, чтобы знавал-с, встречал. Да. Встречал-с и не однажды на балах местных господ, — смутился ротмистр. — Но... она... она была слишком юна для флирта с такими старыми вояками, как я, сударыня. Совсем девочка, чиста, воздушна. Хрупка, как высохшая былинка в степи. Пардон-с! Куда ж, меня, право, понесло?! Виноват-с! Но корнет... Да-да, корнет, мальчик с душою льва, был, несомненно, влюблен в неё.

— Вам известно, что случилось с моей сестрой?

Ротмистр промычал в ответ неопределённо:

— Болтали разную чертовщину.

— Что? Что именно?!

Ротмистр лишний раз удивился, с какой горячностью разговаривала на эту болезную тему графиня, доселе сдержанная, непреступная и холодная. Сей час её прелесное мраморное лицо в тусклом свете догорающей свечи пылало болезненным румянцем, напоминающим серые трупные пятна. Высокая грудь недоступной женщины под лёгкой тканью платья волновалась безудержно. От волос её исходил благоуханный, одурманивающий аромат дорогих французских благовоний.

Ротмистр резко дёрнул головой, будто конь под стременами нервного ездока, дёрнул так, что в ушах зазвенело, как бы стряхивая с себя наваждение.

— Ах, сударыня, всего лишь бредни умирающих...

— Что? Что?! Расскажите! — потребовала графиня. — Что вам известно?!

— Сказывали, её забрали чёрные демоны.

— Демоны? — удивилась графиня такому невероятному, причудливому объяснению. — В газетах нашла одну — единственную заметку: юная курсистка из Санкт-Петербурга А.Рудерская во время чумы служила медсестрой при лазарете. В числе прочих, умерла от чумной лихорадки...

— Вот я и говорю, не опасен ли сей предмет? — ротмистр вновь взглянул на золотистую вышивку кружевного платка с бурыми пятнами давно засохшей крови.

Огненный мотылёк на жёлтом, оплывшем огарке сальной свечи неожиданно сорвался от сквозняка, приоткрытой входной двери, исчез во мраке с лёгким завитком сизого дымка.

— Двери должно открыть, — тихо и шипяще сообщила из коридора зловещая тень горбуна — лекаря, настёж распахнувшего дверь в комнатку. — ...дабы облегчить душе умершего свободный выход.

Свеча погасла. Тьма в каморке почившего Вигельберга сгустилась. В общежитии лица экономили топливо сальных светильников. Желтоватый, коридорный сумрак будто зыбкий туман задрожал в проёме двери. Узкий пенал с дубовым шкафом для одежды, с продавленным диваном и парой старых, промятых, кожаных кресел погрузился в чернильную темноту. Лишь широкий, чёрный подоконник, загромождённый развалами книг, был рассечён надвое лезвием холодного лунного света.

Жалобно скрипнула, прикрываясь от сквозняка, дверь, оставила на полу комнаты узенькую жёлтую полоску тусклого коридорного освещения. По деревянным полам коридора, удаляясь, застучали башмаки лекаря, что поспешил за приставом, дабы удостоверить естественную смерть отставного полковника, старика Вигельберга, бывшего преподавателя словесности Ришельевского лицея.

Неосторожный, нерасторопный ротмистр при шаге наткнулся, с грохотом опрокинул кресло, шире распахнул входную дверь, приглашая графиню выбраться поскорее из этого жуткого склепа смерти. Рудерская встала, но вдруг в овальной раме на стене прямо перед собой увидела неясный портрет своей юной сестры, как бы завуалированный жёлтым сумраком и чёрными паутинками. Графиня вскрикнула, едва не лишилась чувств. По движению собственных рук, обомлевшая и затаившая дыхание, она поняла, что пред нею всего лишь зеркало, испещренное паутинкой старения желтоватой амальгамы.

Пасьянс

На другой день Агнесса Рудерская никого не принимала. Она заказала обед на две персоны. До позднего вечера в номер к ней так никто и не явился. Сама графиня, облачённая в чёрное платье с траурным чепцом, заколотым костяной булавкой на высокой причёске, сидела за ломберным столиком, раскладывала своеобразный пасьянс из рукописных карточек размером с игральную карту. Эта удивительная женщина ко всем прочим своим достоинствам весьма недурно рисовала.

Под её изящной рукой с тонкими аристократическими пальчиками, из-под заточенного гусиного пера двумя-тремя росчерками чернил рождались на отдельных карточках из жёлтого пергамента диковинные картинки. Закрученные усы бравого ротмистра и его лихой кучерявый чуб, торчащий из-под гусарского кивера. Одутловатый, щербатый в кратерах оспин, как луна, печальный лик старика Вигельберга. Горбоносый профиль сухого, пучеглазого лица некоего г-на, князя Велигорского и его узколобой супруги с кукольными буклями парика. Для пушего разумения и уточнения, витиеватым, дамским почерком подписывались карточки соответственно: «Мадам Велигорская», «ротмистр Пржездецкий» и тому подобное.

К вечеру графиня запалила в бронзовом канделябре три свечи. На столике было разложено в карточках чуть ли не всё светское общество Одессы, исключая иных высокопоставленных господ, в основном, гостей из Петербурга. Исключён был из загадочного пасьянса генерал — губернатор, с ним адъютант его Высочества, а также мужчины презренные, не достойные, как полагала графиня, её внимания. Агнесса Рудерская, если и собиралась вовлечь в свои интриги некоторых высокочтимых особ, то сделать это была намерена тайно, не обозначая сие в своём загадочном пасьянсе своих далёких замыслов.

Отдельно были отложены карточки нескольких господ. Один из них уж давеча навещал с визитом её номер. Личность господина «М» была выписана искусно, с должным вниманием к возможному любовнику. Портрет весьма схожий, привлекающий внимание. Купец был изображён с густой львиной шевелюрой, на которую понадобилось множество росчерков пера, с примечательной курительной трубкой в виде женской гологрудой фигурки, на подобие тех, коими украшали носовую часть парусного судна. С непристойным, для светской женщины, названием галлюнная.¹⁹

Рядом с этой карточкой легли карточки господина «В», с невыразительным лицом-тыковкой, заплывшими свинными глазками, от безмерных удовольствий жизни; а также карточка господина «Ф» с узким, хищным ликом, усугублённым мрачными, чёрными зрачками пенсне.

На полях каждой карточки имелись витиеватые, дополнительные надписи мелким, бисерным почерком на французском языке, сокращённые до трёх-четырёх букв, в коих несведущему читателю было бы невозможно разобраться. Карикатурные лики персонажей, однако, были столь выразительны и узнаваемы, карточки разложены на столике, инкрустированном серебром, столь последовательно, что стороннему наблюдателю, случись ему присутствовать при этом тайном спиритическом сеансе задумчивой графини, вероятно, стали бы понятны все её ближайшие планы и намерения.

Как позже выяснилось, замыслы умной, коварной, расчётливой дамы совершенно непредсказуемы, как и сама противоречивая женская натура. Тем более, когда женщина начинает подчиняться не разуму, а внезапным, пылким чувствам и романтическим порывам души.

¹⁹ Галлюнная фигура (носовая фигура) — украшение на носу парусного судна. Фигура устанавливалась под галлюн, на форштевень — носовой части парусного судна.

После нескольких дней отчаянного, самостоятельного, безрезультатного расследования в непроглядной тьме жития Одессы, в тот же вечер после расклада загадочного пасьянса графиня просветлела во взгляде, словно очнулась и постигла некую тайну, что последнее время мучила её. Холодная светская красавица, женщина, казалось бы, без проявления каких-либо эмоций и чувств, неожиданно загрустила, пролила тихие слёзы, долго сидела в задумчивости. Наконец, легонько и нервно пристукнула ногтем изящного пальчика по карточке с изображением господина «М», как бы связывая с этим персонажем свои ближайшие планы. Дальше графиня совершила одной ей понятный таинственный обряд, ритуал, который поначалу не поддавался объяснению.

Рудерская вынула из пенала с изображениями египетских божеств, что забрала из комнаты почившего Вигельберга, скомканный платочек своей сестры, подержала на ладони, как бы рассматривая бурые пятна засохшей, заскорузлой чёрной крови умершего корнета Вольского, поднесла платочек к пламени свечи канделябра.

Лёгкий батист мгновенно вспыхнул оранжево-синеватым пламенем.

Графиня оставила догорать платочек в бронзовой пепельнице в виде черепахи. За то время пока платочек сгорал, потом тлел, превращаясь в комочек серой паутинки пепла, непредсказуемая женщина с абсолютно непроницаемым лицом, неторопливо налила в бокал красное вино, отпила несколько глотков, намеренно пролила пурпурную жидкость себе на грудь, испачкала белые кружева ночной рубашки под чёрным вырезом атласного халата, словно обагрила себя жертвенной кровью. Затем опустила пальцы в пепельницу, смяла легчайший комочек пепла, взяла щепотку, осыпала часть на пергаментную карточку с изображением господина «М», оставшимся пеплом вымазала себе лоб, щёки, шею...

Долго и пристально рассматривала она жуткую чёрную маску своего прекрасного лица в мерцающей глубине зеркала, наблюдала, как слёзы печали, раскаяния и бессилия прочерчивали борозды на чёрных её щеках, и, наконец, прошептала:

— Прости... прости...

Скорее всего, графиня просила прощения у своей пропавшей сестры. За что? Выяснится много позже.

Незадолго до полуночи в дубовую дверь номера раздался стук набалдашником трости. Графиня была уже переодета в изысканный парчовый, тёмно-бордовый халат с растительным узором. После умывания её розовое лицо хотя и выглядело посвежевшим, но глаза выдавали потаённую грусть, душевное смятение, усталость и печаль. Прежде чем ответить на стук или открыть дверь, она поспешно подошла к столу, смешала карточки своего тайного пасьянса, сложила их в деревянный пенал в виде египетского саркофага, доставшийся по наследству от почившего Вигельберга. Пепел, что остался в пепельнице от сожженного платочка сестры, графиня ссыпала в крохотную, серебряную табакерку с фамильным вензелем в виде солнышка и переплетением букв «Р» и сдвоенной «АА».

После медленных, размеренных сомнамбулических действий Рудерская преобразилась лицом, обозначила лёгкой вынужденной гримасой приветливость и на повторный стук тростью с улыбкой открыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.